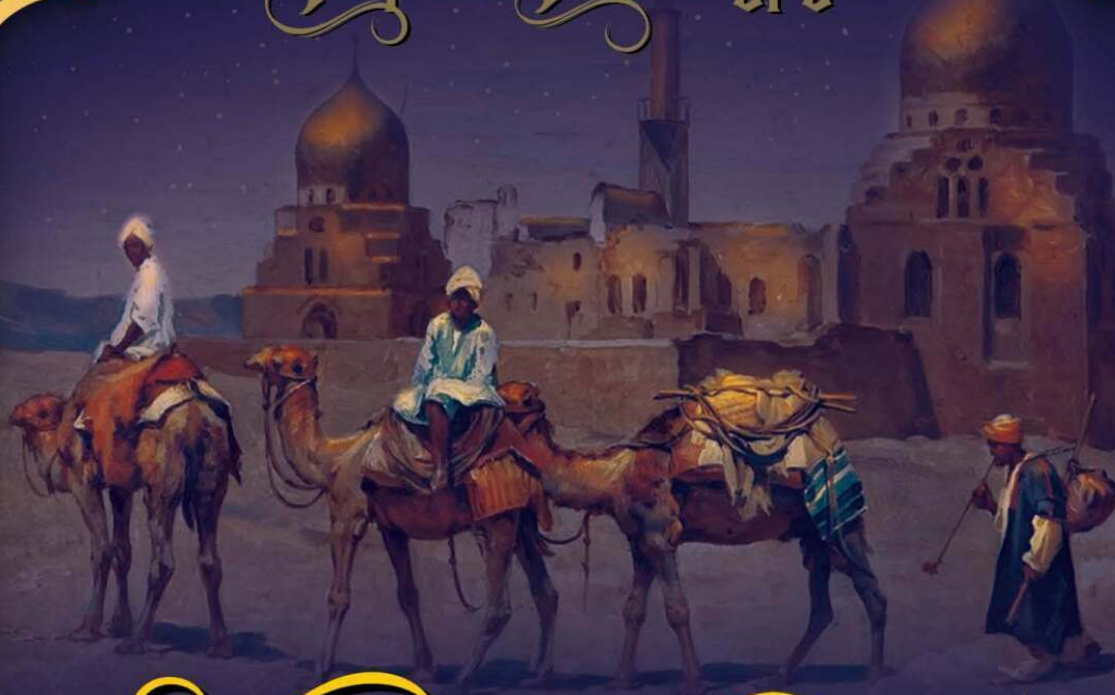

Маленький Мук,
Карлик Нос и другие

Все сказки
Гюльста

КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

Подарочные издания. Иллюстрированная классика

Вильгельм Гауф
Все сказки Гауфа

«Алисторус»

1825-1827

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Гауф В.

Все сказки Гауфа / В. Гауф — «Алисторус»,
1825-1827 — (Подарочные издания. Иллюстрированная классика)

ISBN 978-5-907363-41-0

В этом подарочном коллекционном издании представлены лучшие переводы оригинальных сказок Гауфа в той правильной и интригующей последовательности, которая была задумана автором. Это делает данную книгу уникальной, поскольку большинство публикаций Гауфа на русском языке неполные, и сказки в них идут в произвольном порядке и зачастую с адаптацией для детей. Эти сказки впечатлят вас неповторимыми чарующими образами и авантурными сюжетами, навеянными мудростью восточных притч, глубоким мистицизмом немецкого фольклора и эротической атмосферой «Сказок тысячи и одной ночи», что особенно ярко чувствуется благодаря взрослой откровенности неадаптированных для детей переводов. Многочисленные гравюры и рисунки выдающихся художников XIX-XX вв. позволят вам увидеть Карлика Носа, Маленького Мука и других знаменитых героев и с головой окунуться в фантастические приключения, рожденные фантазией гениального писателя. Вильгельм Гауф ушел из жизни за несколько дней до своего 25-летия. Сказки - это лучшая часть литературного его наследия. Они любимы миллионами читателей по всему миру, неоднократно были экранизированы и навсегда вписали имя Гауфа в историю мировой литературы. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-907363-41-0

© Гауф В., 1825-1827
© Алисторус, 1825-1827

Содержание

Сказки Гауфа	7
Присказка	13
Караван	16
Караван	17
Рассказ о калифе аисте	21
Рассказ о корабле привидений	30
Рассказ об отрубленной руке	40
Спасение Фатьмы	51
Рассказ о Маленьком Муке	65
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Вильгельм Гауф

Все сказки Гауфа

© Каверин В.А., вступительная статья, наследник, 2023

© Пер. с нем. Н. А. Полевого

© ООО «Агентство Алгоритм», 2023

Сказки Гауфа

I

Где только не рассказывают герои Вильгельма Гауфа сказки, легенды и предания, где только не происходят с ними необыкновенные истории: в пустыне на пути к Каиру, в самом Каиру, в Александрии и Багдаде, в Германии и дремучем Шпессартском лесу, в Шотландии, во Франции в Париже, в Голландии, на море и на суше. И нельзя сказать, что эти истории тесно связаны друг с другом. Они далеки друг от друга. Они происходят в одних местах, а могут происходить и в других. Время действия условно. Это странно, но некоторые герои могут даже поменяться местами.

Более того: мотивы, которые сопутствуют возникновению этих историй, достаточно условны. Они могут даже отсутствовать, это ничего не меняет. Для того, чтобы была рассказана очередная сказка или новелла, автор не ищет серьёзного повода. Необходимо лишь одно условие – время. Без собеседника, разумеется, не обойтись. Время и собеседник – этого для Гауфа вполне достаточно.

Одна история сменяется другой, при этом возникает иллюзия, что она продолжает предыдущую, как бы вложена в неё, а та, что вложена, содержит в себе третью. Казалось бы, эффект знаменитой русской матрёшки не имеет ничего общего с повествовательной манерой известного немецкого сказочника, но если вдуматься, сходство нетрудно обнаружить: вот первая матрёшка, оказывается, внутри неё – другая, затем – третья; казалось бы, вот и всё, ан нет – появляется ещё и ещё – матрёшки, уменьшаясь в размерах, вложены одна в другую.

Такой же эффект неожиданного результата, связанности и непрерывности историй остаётся у читателя сказок Гауфа. Одновременно создаётся впечатление, что запас историй у автора безграничен. Он просто вынужден закончить цикл историй, так как ограничены размеры книги.

Но отметим существенную разницу: размер сказок для Гауфа не имеет никакого значения. Впрочем, и в других отношениях композиция произведений Гауфа бесконечно сложнее элементарного устройства матрёшки. Ему ничего не стоит разорвать пополам сложную и занимательную сказку («Холодное сердце»), и, разумеется, это делается на самой интересной странице. Его учителя нетрудно угадать: это Эрнст Теодор Амадей Гофман. Гауф знакомит читателя с первой частью истории, необыкновенной, новой, удивительной во всех отношениях, а потом, через много страниц, посвящённых другим историям, рассказывает вторую часть, ещё более необыкновенную.

Широко известно, как построена знаменитая сказочная эпопея «Тысячи и одной ночи». Красивая и догадливая наложница Шахразада, после очередной любовной встречи, зная, что наутро её ожидает казнь, каждый раз обрывает сказку в самом интересном месте. Каждый раз с утренней зарёю визирь, её отец, приходит с саваном под мышкой, и каждый раз заинтересованный царь Шахрияр откладывает казнь. Мало кто замечает философский смысл этого противопоставления: смерть бессильна перед искусством. И она действительно бессильна, потому что гениальные творения прошлого бессмертны. Вместе с тем композиция «Тысячи и одной ночи» не очень сложна.

Шахрияр по ночам выслушивает сказки Шахразады и ласкает свою возлюбленную, а днём вершит правый суд.

Ничего похожего вы не найдёте в произведениях Гауфа. Его истории не рассказываются на любовном ложе. Он предпочитает самые опасные и рискованные обстоятельства, кото-

рые сами по себе сказочны и намеренно усложнены. Авторы многочисленных исследований о народных, волшебных, авантюрных, бытовых сказках стремятся к сопоставлению мотивов. Но мне кажется, что плодотворнее не отыскивать общность мотивов, а противопоставлять их. Именно этот метод помог мне в работе над анализом скандинавских сказок: противопоставление исландских – датским, датских шведским или норвежским помогло мне представить обширную панораму сказочного фольклора северной Европы (собрание сочинений, т. 8, стр. 423).

Примеров намеренно усложнённой композиции, характерной для Гауфа, много, но достаточно только одного. Он отчётливо покажет эту неслучайную случайность.

В маленькую харчевню, находящуюся в глухом Шпессартском лесу, ночь и непогода загоняют золотых дел мастера, оружейника, извозчика и студента. Харчевню содержит семья, связанная с преступным миром. Чувствуя опасность, путники решают не спать до утра, а где герои Гауфа не спят, там автор заставляет их рассказывать друг другу сказки. Так возникает «Сказание о гульдене с изображением оленя». Его рассказывает оружейный мастер. Так как до утра ещё далеко, вслед за этим сказанием мастер передаёт слово студенту. И читателю предлагается сказка «Холодное сердце», занимающая основное место в цикле «Харчевня в Шпессарте». Приезд графини с камеристкой и дворней прерывает студента. Ему, как и другим героям, конечно, не приходит в голову, что этот приезд и сама графиня существенно меняют ситуацию (и представляют собой мотив новой истории, которая не рассказывается героями, а происходит с ними). Все собравшиеся узнают, что разбойники намерены захватить графиню, чтобы получить за неё выкуп в двадцать тысяч гульденов, и что семья, содержащая харчевню, в сговоре с ними. Казалось бы, тут не до сказок! Опасность так велика, что надо не болтать, а приготовиться к обороне. Ничуть не бывало! Когда ещё появятся разбойники! Чтобы не терять времени даром, собравшиеся решают познакомиться ещё с одной историей, которую рассказывает егеря графини. Вот в этом месте «Альманаха сказок» Вильгельма Гауфа читатель невольно вспоминает «Тысячу и одну ночь». «Приключения Саида» – традиционная волшебная сказка в духе этого грандиозного образца арабского фольклора.

Из Германии действие переносится в Багдад, во времена Гаруна аль-Рашида. Сказка длинна, но ночь ещё длиннее. И хотя разбойников можно ожидать каждую минуту, путники, повинувшись прихотливому автору, выслушивают «Стинфольскую пещеру», которую рассказывает красивый шестнадцатилетний золотых дел мастер. Я не случайно упомянул о его красоте и молодости. Кто же ещё, кроме него, может переодеться в женское платье и заменить графиню, когда наконец появятся разбойники? (Нельзя сказать, что этот приём блещет новизной. Он тысячи раз появлялся до Гауфа в литературе и драматургии всех времён и народов. Но это не останавливает автора.) Разбойники принимают юношу за графиню. Более чем ясно, что обстоятельства времени и места бесконечно далеки от возможности продолжать сказку «Холодное сердце». Как бы не так! Как раз для того, чтобы забыть об опасности, отвлечься, уйти возможно дальше от грозящей смерти, золотых дел мастер предлагает своим спутникам вернуться к подробному и обстоятельному заключению истории «Холодное сердце»: «... благо времени у нас хватит».

Не буду продолжать разбор этой всё усложняющейся композиции. Пора заняться вопросом о теоретической основе повествовательной манеры Вильгельма Гауфа, изложение которой является неожиданным результатом авторских усилий. В его сказках нет лирико-философской интонации Андерсена. От него далека изящная простота гениальных сказок Перро. Русская народная сказка поэтична. Она связана с былиной. Отсутствие психологической глубины само по себе характерно для всех видов этого жанра. Но от сказок Гауфа, я бы сказал, было бы несправедливо требовать любой глубины, в том числе психологической. Ведь он подчас обходится даже без имени героя, ограничиваясь только сообщением о его профессии. Было

бы грубой ошибкой предполагать, что эта особенность подсказана вдохновением. Нет. Такова теоретическая концепция автора. Гауф искусно вставляет в один из сказочных циклов («Александрыйский шейх») рассуждение, имеющее общий характер.

«— Я никогда не задумывался... над тем, в чём, собственно, кроется очарование этих историй, — это говорит безымянный юноша. — Ум человеческий ещё легче и подвижней воды, принимающей любую форму и постепенно проникающей в самые плотные предметы, — отвечает ему пожилой собеседник. Он лёгок и волен, как воздух, и, как воздух, делается тем легче и чище, чем выше от земли он парит. Поэтому в каждом человеке живёт стремление вознестись над повседневностью и легче и вольнее витать в горних сферах, хотя бы во сне... Внимая рассказам раба, вымыслу, придуманному другим, вы сами творили вместе с ним... сказка становится для вас явью, или, если угодно, явь становится сказкой...»

Но Гауф не останавливается в этом соображении. Для того, чтобы яснее представить его, он сопоставляет сказку с другим жанром — новеллой.

«Я думаю, надо делать известное различие между сказкой и теми рассказами, которые обычно зовутся новеллами... Они мирно свершаются на земле, происходят в обыденной жизни, и чудесна в них только запутанная судьба героя, который богатеет или беднеет, складывается удачно или неудачно не при помощи волшебства, заклятия или проделок фей, как это бывает в сказках, а благодаря самому себе или странному сплетению обстоятельств». И он приводит в пример те рассказы Шахразады, которые далеки от волшебства, заклятия или проделок фей. «...самое важное и привлекательное в них — то искусство, с каким переданы речь и поступки каждого, сообразно его характеру».

Я и сам пробовал свои силы в жанре сказки, но мне казалось, чем теснее они будут связаны друг с другом, тем с большим интересом познакомится с ними читатель («Ночной Сторож, или Семь занимательных историй, рассказанных в городе Немухине в тысяча девятьсот неизвестном году»). Я стремился поселить своих героев в одном городе и определить отношение их друг к другу.

Как же объяснить, что ничем не связанные, происходящие в разное время и в разных странах творения Гауфа заняли такое заметное место в сказочной литературе мира? Я долго искал ответ на этот вопрос, обдумывая реальность знака равенства между сказкой и новеллой (в отличие от теоретических посылок!), которой добивается Гауф в своих замечательных книгах. Я перечитал знаменитую статью Горького, который больше всего ценил в сказках «изумительную способность нашей мысли заглядывать далеко вперёд факта», познакомился со многими книгами, посвящёнными сказочному жанру, и не могу с полной уверенностью сказать, что мне удалось решить эту загадку. Но мне кажется, что я приблизился к её решению. Мне кажется, что и сказки, и новеллы Гауфа, независимо от особенностей обоих жанров, существуют в некотором волшебном пространстве, которое само по себе не требует ни географических, ни топографических признаков. Это атмосфера чуда. Эта обыденность необыкновенного получила продолжение в истории мировой сказки. И самый убедительный пример подобного феномена принадлежит нашему блестящему драматургу и сказочнику Евгению Шварцу. В этом отношении он шагнул даже дальше Андерсена. С поразительной свободой он заставил в своих произведениях удивительное и обыденное шагать рядом и даже время от времени меняться местами. Недаром одна из его пьес так и называется «Обыкновенное чудо». В прологе к этой пьесе Шварц писал: «Юноша и девушка влюбляются друг в друга — что обыкновенно. Ссорятся — что тоже не редкость. Едва не умирают от любви. И, наконец, сила их чувства доходит до такой высоты, что начинает творить настоящие чудеса, — что и удивительно, и обыкновенно». Добрый волшебник превращает понравившегося ему молодого медведя в юношу, однако с условием, что юноша снова станет медведем, если его поцелует принцесса: принцесса целует юношу, но он не превращается в медведя, потому что волшеб-

ство любви – одно из самых сильных волшебств на земле. Сливаясь с чудом, обыденная жизнь оказывается сильнее его.

II

В жизни Гауфа, так же как в его сказках, обычное и необычное, простое и сложное соединяются в неожиданно остром скрещении. В ней не было никаких исключительных событий, но стремительность его существования и его полнота сами по себе были событием. Ни бурных страстей, ни борьбы с современниками, ни поисков смысла жизни, подчас характерных для истинного таланта. Он прожил всего 25 лет (1802–1827), но не потерял даром ни часа. Он был стройный, красивый, с темно-синими глазами на бледном лице, весёлый, остроумный, общительный, скромный, добрый.

В годы моего детства мы, ученики псковской гимназии, с завистью слушали рассказы о буршах – студентах дерптского университета (Дерпт или Юрьев, ныне Тарту, недалеко от Пскова). Они дрались на дуэлях, они держали рискованные пари, они по ночам меняли вывески магазинов – огромный деревянный крендель, висевший над булочной, водружали над аптекой, и наоборот, над булочной вешали символ медицины – чашу с обвившейся вокруг неё змеёй. Они гордились шрамами на лице и руках – это было свидетельство мужества и любовных приключений.

Вильгельм Гауф был руководителем буршей в Тюбингене. Все любили его за красноречие и остроумие. Ни одно из студенческих развлечений не обходилось без его участия: дальние экскурсии, загородные прогулки, катание на санках, танцевальные вечера, дружеские застолья, ночные серенады. Неистощимый выдумщик, он затевает проказы, которые никому не приходят в голову, кроме него. Члены его компании называли себя «факелоносцами» и носили красные штаны. Это дало повод Гауфу однажды ночью выкрасить красной краской ноги каменной статуи св. Георгия, водружённой на высокой скале над Тюбингеном. Вспоминая свою тогдашнюю жизнь, он говорит о ней в новелле «Фантасмагории в бременском винном погребке»: «...ты и возвышенная, благородная, ты и грубая, варварская, и милая, и беспорядочная, и мелодичная, и отталкивающая, и всё же такая приятная и живительная!» Правда, увлечение этой жизнью длилось недолго. Это была ранняя юность, а развитие его как творческой личности проходило со стремительной быстротой. Неожиданно, но в первом своём опубликованном произведении «Извлечения из мемуаров Сатаны» он подсмеивается над буршами, затеи которых не имеют ничего общего с политической жизнью Германии, хотя они часами болтают в пивной о народности и свободе.

Эта измена самому себе характерна для Гауфа. Он – во всём и всегда воплощённый поиск.

Человек не знает, как сложится его жизнь, на каком повороте она оборвётся, но Вильгельм Гауф жил так, как будто он знал, что умрёт двадцати пяти лет. Он написал не только сказки, лучшие из которых заняли видное место в мировой литературе. Его перу принадлежат также любовные стихотворения, баллады, популярные солдатские песни. В 1825 году одно за другим выходят три его крупных произведения: «Извлечения из мемуаров Сатаны», роман «Человек с луны» и альманах, представляющий собою собрание сказок. Он соединяет с работой увлекательное путешествие: через немецкие города Франкфурт-на-Майне, Майнц и др. он направляется в Париж, затем Брюссель, Антверпен и через север Германии – в Кассель, Бремен, Гамбург, Берлин, Лейпциг и Дрезден – всюду отдают должное его литературному таланту. Чем бы он ни занимался, где бы он ни побывал, куда бы ни поехал, при всех обстоятельствах жизни его литературная биография развивается с возрастающим успехом. Он женится, по это не помеха для начала редактирования журнала. Он пишет, пишет и пишет... В 1826 году

он печатает вторую часть «Мемуаров Сатаны», исторический роман «Лихтенштейн», новый «Альманах сказок на 1827 год», новеллы «Отелло» и «Нищенка с Моста Искусств». Последний год в его жизни отмечен новыми доказательствами его вдохновенного труда: он печатает ещё один «Альманах сказок» и знаменитое эссе «Фантасмагории в бременском винном погребке», своеобразное философское и мемуарно-лирическое произведение. В двадцать пять лет он уже пишет мемуары! Наконец появляются его последние новеллы «Певица», «Еврей Зюсс», «Последние рыцари Мариенбурга» и «Портрет императора». Работоспособность его удивительна. Он не считает серьёзной работой множество статей и рецензий в газетах и еженедельниках. Он планирует произведения, к сожалению, оставшиеся только в черновиках. Среди его планов роман из эпохи освободительных войн против Наполеона и оперное либретто. Современный исследователь творчества Гауфа¹ справедливо подводит итоги этой молниеносной работы: «Сейчас даже трудно представить себе, что все произведения Гауфа были созданы меньше чем за три года. И созданы очень молодым человеком, не успевшим приобрести ни жизненного опыта, ни мастерства. Но при всех легко различимых недостатках они – создания по-своему новаторские, в них угадываются идеи и формы новой эпохи».

Историко-литературная мысль остаётся холодной, когда её бесстрастный голос рассказывает о жизни художника. Б. М. Эйхенбаум, кончая книгу о Лермонтове, был прав, заметив, что ранняя гибель Лермонтова не имеет научного значения. Но не надо забывать о чувстве. Самый бесстрастный учёный не может остаться равнодушным, размышляя о ранней смерти гениального человека. Он невольно представляет себе, каких вершин могло бы достигнуть его творчество.

Томас Чаттертон, с необыкновенным талантом подделавший оды и баллады XV века и сумевший включить в круг английской литературы старинную поэзию, покончил с собой, когда ему было семнадцать лет. Невольно подумаешь, что внеисторическое понятие «судьба» каким-то образом присутствует в трагической участи гениального человека. Прав ли был Некрасов в знаменитом стихотворении, навеянном известием о смерти Писарева: «Хорошо умереть молодым!»? По отношению к людям, деятельность которых могла бы обогатить человечество, это ложная мысль.

Гауф писал свои сказки для детей – сперва рассказывал, а потом писал. Как все знаменитые произведения, написанные для детей, его сказки входят в круг взрослого чтения. Он никогда не опускается до упрощений, последовательно ведёт читателя вперёд и выше, как бы заставляя его стремиться туда, где он, читатель, ещё не был.

Вениамин Каверин

¹ Ботникова А. Б. Предисловие к сборнику: Гауф В. Избранное, М., Радуга, 1986 – на нем. яз.

Присказка

В некотором прекрасном, далёком царстве, где (гласит предание) сады вечно зелены и солнце никогда не заходит, с начала веков и донныне царствует лучезарная царица Фантазия. Много веков она была счастьем всех её окружавших, была любима всеми, кто её знал. Но сердце у царицы было такое пламенное, что она не могла не бросать лучей своих благоденний далеко за пределы собственного царства. В царственном блеске своей вечной юности и красоты, она сошла на землю: она слыхала, что там живут люди, которые невесело проводят время, в труде и работе, часто в горе и нужде. Им-то она и принесла лучшие дары из своего царства, и с тех пор, как прекрасная царица прошла по земле, люди стали веселее, имели более светлых часов.

Детей своих, не менее прекрасных и приветливых чем она сама, царица тоже посылала на землю радовать людей. Однажды с земли вернулась Сказка, её старшая дочь. Мать заметила, что она скучна, и даже глаза у неё как будто заплаканы.

– Что с тобою, дитя моё? – спросила её царица, – ты вернулась такая печальная, унылая... Расскажи, доверься матери.

– Ах, я бы сейчас сказала, – ответила Сказка, – если бы не знала, что моё горе и тебя огорчит.

– Всё равно, скажи, дитя моё, – упрасивала царица, – горе – это тяжёлый камень: одного задавит, но двоим легко его снести.

– Ты приказываешь, – сказала Сказка, – так слушай же. Ты знаешь, как я люблю бывать у людей, как я охотно сижу у самых бедных тружеников перед хижинкой, и болтаю с ними часок после работы. Бывало, они мне сейчас дружески подадут руку, когда я приду, и с улыбкой, довольные, провожают меня ласковым взглядом, когда я уйду; но в последнее время стало совсем не то.

– Бедная моя Сказка! – пожалела царица дочь и погладила её рукою по щеке, на которой блестела слезинка. – Но тебе, может быть, всё это только так кажется?

– Поверь мне, это так, – ответила Сказка, – сердце не обманет: они меня более не любят. Куда я ни приду, меня встречают холодные взгляды, мне нигде не радуются; даже дети и юноши, которые всегда так меня любили, и те надо мною смеются и поворачиваются ко мне спиною.

Царица подпёрла голову рукою и задумалась.

– Какая может быть причина, – проговорила она, – что люди так изменились?

– Они везде наставили учёных сторожей, которые зорко осматривают и разбирают всё, что приходит из твоего царства. Если явится пришлец им не по душе, они поднимают крик и шум, убивают его или так очерняют у людей, – а люди верят им на слово, – что мы уже не встречаем ни крошки любви, ни капли доверия. Как на этот счёт хорошо братьям моим, Снам! Они весело слетают, им нет дела ни до каких сторожей; они навешают спящих людей и вволю рисуют им картины, радующие глаз и сердце.

– Братья твои ветреники, – возразила царица, – и тебе, моя любимица, нечего им завидовать. Я, впрочем, знаю хорошо этих таможенных сторожей; люди не совсем неправы, что их поставили: являлся не один пустой ветрогон и прикидывался, будто он прямо из моего царства, а сам разве только с какой-нибудь горы заглядывал к нам.

– Но за что же вымещают они это на мне, твоей родной дочери? – огорчилась Сказка. – Ах, если бы ты только знала, как они меня обижают! Обозвали меня старой девой и грозились в другой раз вовсе не пускать...

– Не пускать! Мою дочь! – с негодованием воскликнула царица. Но я догадываюсь от кого эта напасть: это всё наделала твоя злая тётка, – это она наклеветала на вас.

– Мода? Не может ли быть! – наивно изумилась Сказка. – Да ведь она всегда так нас ласкает, кажется любит нас!

– Ох, уж она мне, притворщица! – сетовала царица. – Но ты, на зло ей, попытайся ещё раз, дитя моё. Кто хочет делать добро, тот не должен так легко уступать первой неудаче.

– А если они в самом деле меня не пропустят? Или так очернят, что люди на меня и не взглянут, а с пренебрежением отвернутся?

– Если большие, ослеплённые Модой, от тебя отвернутся, – попытай счастье у детей и у юношей. Молодёжь всегда я любила всем сердцем. Молодёжи я посылаю самые чарующие образы и картины чрез твоих братьев, Снов; я и сама не один раз слетала к ним, ласкала их, целовала, учила их хорошим играм и сама с ними играла. Молодёжь меня знает хорошо, хотя может быть и не слыхала моего имени, и сколько раз я замечала, как дети ночью улыбались, заглядываясь на мои золотые звёзды, а утром, когда по небу несутся мои белые овечки, хлопали от радости в ладоши. Когда они подрастут, и тогда они меня любят; я помогаю девочкам плести венки из пёстрых цветов, а резвые шалуны-мальчики притихают, когда я к ним подсяду на вершине высокой скалы, вызываю из тумана далёких голубых гор высокие замки и дворцы и обращаю розовые облака заката в отряды отважных всадников и шествия набожных пилигримов.

– Ну, хорошо, – сказала тронутая Сказка. – Так и быть, у них попытаю ещё раз счастья.

– Да, доброе дитя моё, – уговаривала её царица, – сойди к ним. Только дай я тебя принаряжу, чтобы ты малюткам понравилась, а большие не оттолкнули тебя. Я тебя одену праздничной книжкой для подарка.

– Праздничной книжкой? Ах, мне неловко явиться перед людьми в такой пёстрой одежде.

По знаку царицы, прислужницы принесли хорошенький наряд ярких цветов, с вотканными красивыми фигурами. Они заплели ей длинные волосы в косы, подвязали ей золотые сандалии и одели её.

Скромная Сказка едва смела поднимать глазки, но мать любовалась ею и горячо её обняла.

– Иди, – сказала она ей, – с тобою моё благословение. И если тебя осмеют и оттолкнут, то воротись и останься со мною; придёт время: люди опять будут следовать голосу природы и сердце их снова обратится к тебе.

Так сказала царица Фантазия. А Сказка слетела на землю. Крепко билось у неё сердце, когда она подходила к месту, где стояли учёные сторожа. Она низко, низко склонила голову, плотнее обтянула на себе красивое платье и робкими шагами подошла к воротам.

– Стой! – встретил её густой, строгий голос. – Караул, выходи! Пришла новая книжка.

Сказка задрожала; к ней бросилось множество немолодых людей с суровыми лицами; в руках у них были острые перья, острым концом обращённые к Сказке. Один из них подошёл совсем близко и грубо взял её за подбородок.

– Ну-ка, голову выше, книжонка! – крикнул он, – поглядим по глазам, принесла ли ты что-нибудь путное, или нет?

Сказка, краснея, приподняла личико и вскинула на сторожа свои тёмные глаза.

– Да это Сказка! – вскрикнули сторожа и расхохотались: – Сказка! А мы-то думали не весть что за важная персона! Как ты очутилась в этом наряде?

– Меня мать нарядила, – отвечала Сказка.

– Вот что! Контрабандой вздумала тебя провести? Не бывать этому. Убирайся, да проворнее! – закричали сторожа и замахнулись острыми перьями.

– Да ведь я только к детям, да к юношам хотела! – упрашивала Сказка: – хоть к ним-то пустите.

– Довольно у нас слоняется вашего брата, – сказал один из сторожей, – только набивают детям головы всяким вздором.

– Пойдите, послушаем, что у неё новенького, – сказал другой.

– Ну, пожалуй, – согласились остальные, – рассказывай, только живее: нам с тобой некогда.

Сказка протянула руку и указательным пальцем вывела разные фигуры в воздухе; выступили пёстрые толпы, караваны, красивые кони, богато одетые всадники, шатры в песчаной пустыне, птицы и корабли на бурных морях, тихие леса и многолюдные площади и улицы, битвы и мирные кочевья, – всё это проносилось живыми, яркими, подвижными картинками.

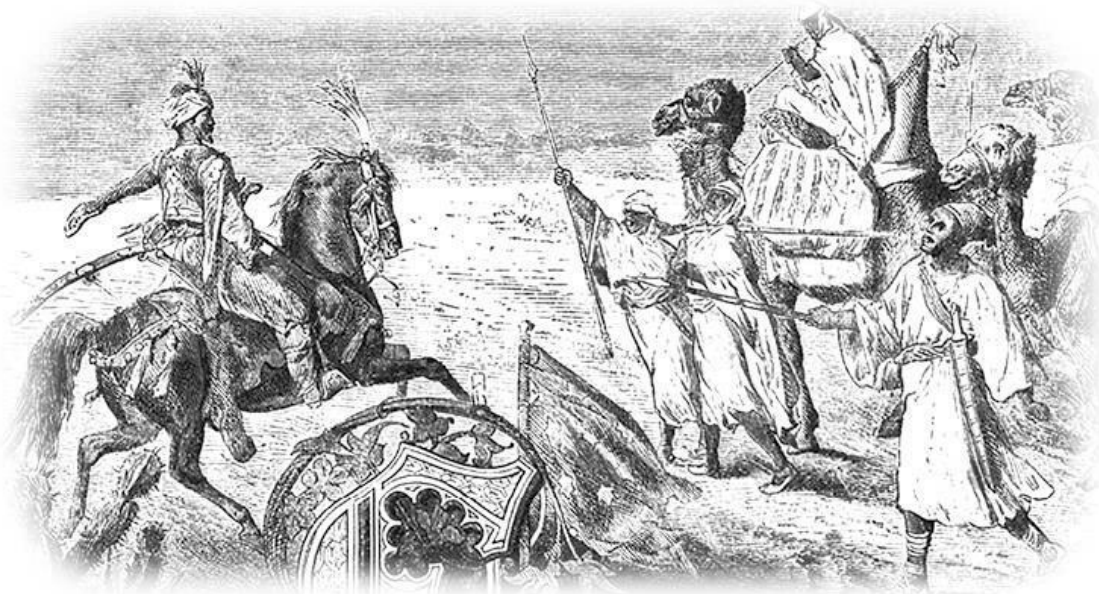
Сказка так увлеклась вызыванием всех этих образов, что не заметила, как суровые привратники один за другим заснули. В эту минуту к ней подошёл приветливый человек и взял её за руку.

– Посмотри, милая Сказка, – сказал он, – они спят: не для них твои пёстрые образы. Лучше проскользни-ка ты попроворнее в ворота. Они и знать не будут, что ты прошла, а там уж тебя никто не будет беспокоить. Я тебя возьму к себе, к моим детям; в своём доме дам тебе спокойный, уютный уголок, там ты можешь жить совсем сама по себе; а когда дети будут умны и хорошо приготовят уроки, то им с товарищами и подругами будет позволено посидеть часок с тобою и послушать тебя. Хочешь?

– Хочу!.. И с какой радостью я пойду с тобой к твоим детям! Как буду я стараться доставить им приятный вечерок!

Добрый человек ласково кивнул ей и помог перешагнуть через ноги спавших сторожей. Благополучно пробравшись, Сказка с улыбкой оглянулась и быстро скользнула в ворота.

Караван

Альманах сказок января 1826 года для сыновей и дочерей знатных сословий
Märchen-Almanach auf das Jahr 1826 für Söhne und Töchter gebildeter Stände
[Сборник, 1825 года]

В дебютный авторский сборник Вильгельма Гауфа вошли сказки из цикла «Караван» – истории, рассказанные на привале погонщиками верблюдов в жаркой египетской пустыне.

Караван

Однажды по пустыне тянулся большой караван. На необъятной равнине, где ничего не видно, кроме неба и песка, уже вдали слышались колокольчики верблюдов и серебряные бубенчики лошадей; густое облако пыли, предшествовавшее каравану, возвещало его приближение, а когда порыв ветра разносил облако, взор ослепляли сверкающее оружие и яркие одежды.

Так представлялся караван человеку, который подъезжал к нему сбоку. Он ехал на прекрасной арабской лошади, покрытой тигровой шкурой. На ярко-красной сбруе висели серебряные колокольчики, а на голове лошади развевался прекрасный султан² из перьев цапли. Всадник имел статный вид, и его наряд соответствовал великолепию его коня: белый тюрбан, богато вышитый золотом, покрывал голову; камзол и широкие шаровары ярко-красного цвета, сбоку кривой меч с богатой рукояткой. Тюрбан у него был низко надвинут на лицо; черные глаза, сверкавшие из-под густых бровей, длинная борода, спускавшаяся под орлиным носом, – всё это придавало ему дикий, отважный вид. Когда всадник был приблизительно в пятидесяти шагах от передового отряда каравана, он пришпорил лошадь и в несколько мгновений достиг головы шествия. Видеть одинокого всадника проезжающим по пустыне было таким необыкновенным случаем, что стража каравана, опасаясь нападения, направила на него свои копы.

– Чего вы хотите? – воскликнул всадник, увидев, что его так воинственно встречают. – Вы думаете, что на ваш караван нападёт один человек?

Пристыженная стража опять подняла свои копы, а её предводитель подъехал к незнакомцу и спросил, что ему нужно.

² Султан – здесь: украшение на головном уборе в виде вертикально укреплённого перьевого или волосяного пучка.

– Кто хозяин каравана? – спросил всадник.

– Он принадлежит не одному хозяину, – вежливо отвечал спрошенный, – а нескольким купцам, которые едут из Мекки на родину и которых мы провожаем через пустыню, потому что часто разный сброд тревожит проезжих.

– Так отведите же меня к купцам, – потребовал незнакомец.

– Этого теперь нельзя, – отвечал предводитель, – потому что мы должны без остановки ехать дальше, а купцы находятся по крайней мере на четверть часа позади; но если вы поедете со мной дальше, пока мы не сделаем привал для отдыха в полдень, то я исполню ваше желание.

Незнакомец ничего не сказал на это. Он вынул длинную трубку, привязанную к седлу, и сильно затягиваясь начал курить, проезжая дальше рядом с предводителем передового отряда. Последний не знал, как ему быть с незнакомцем; прямо спросить его имя он не решался, а как искусно ни старался он завязать разговор, незнакомец на слова: «Вы курите хороший табак» или «У вашей лошади славный шаг» отвечал всё только коротким «Да, да!». Наконец они прибыли к месту, где хотели отдохнуть в полдень. Предводитель поставил своих людей на стражу, а сам с незнакомцем остановился, чтобы пропустить караван. Прошли тридцать тяжело нагруженных верблюдов, которых вели вооружённые проводники. За ними на прекрасных лошадях подъехали пять купцов, которым принадлежал караван. Это были большею частью люди преклонного возраста, серьёзного и почтенного вида; только один казался гораздо моложе остальных, а также веселее и живее. Большое число верблюдов и вьючных лошадей замыкало шествие.

Раскинули палатки и вокруг поставили верблюдов и лошадей. В середине была большая палатка из голубой шёлковой материи. Туда предводитель стражи повёл незнакомца. Когда они вошли за занавес палатки, то увидели пятерых купцов, сидевших на вытканых золотом подушках. Черные рабы подавали им кушанья и напитки.

– Кого вы там привели к нам? – крикнул предводителю молодой купец.

Ещё прежде чем предводитель смог ответить, незнакомец сказал:

– Меня зовут Селим Барух и я из Багдада. На пути в Мекку я был взят в плен разбойничьей шайкой и три дня тому назад тайно освобожден из плена. Великий Пророк дал мне услышать в широкой дали колокольчики вашего каравана, и вот я приехал к вам. Позвольте мне ехать в вашем обществе, – вы не окажете своей защиты недостойному, а если вы приедете в Багдад, то я щедро награжу вашу доброту, потому что я племянник великого визиря.

Тогда заговорил самый старший из купцов.

– Селим Барух, – сказал он, – милости просим под нашу сень! Мы рады помочь тебе, но прежде всего садись, ешь и пей с нами!

Селим Барух сел к купцам и стал есть и пить с ними. После обеда рабы убрали посуду и принесли длинные трубки и турецкий шербет. Купцы долго сидели молча, выпуская синеватые струйки дыма и смотря, как они извивались, переплетались и наконец разносились в воздухе.

Наконец молодой купец прервал молчание.

– Так мы сидим уже три дня, – сказал он, – на лошади и за столом, ничем не занимая времени. Я испытываю сильную скуку, так как привык после обеда смотреть танцоров или слушать пение и музыку. Вы ничего не знаете, друзья мои, что заняло бы у нас время?

Четверо старших купцов продолжали курить и, казалось, серьезно думали, а незнакомец сказал:

– Если мне будет позволено, я сделаю вам одно предложение. Я думаю, что на каждом привале один из нас мог бы что-нибудь рассказать другим. Это уж могло бы занять у нас время.

– Селим Барух, ты сказал правду, – проговорил Ахмет, самый старший из купцов. – Давайте примем это предложение!

– Я рад, что предложение вам нравится, – сказал Селим, – а чтобы вы видели, что я не желаю ничего несправедливого, начну сам.

Обрадованные купцы сдвинулись ближе и посадили незнакомца в середину. Рабы опять наполнили чаши, снова набили трубки своих господ и принесли горячих углей для раскурива-

ния. А Селим освежил свой голос хорошим глотком шербета, разгладил вокруг рта длинную бороду и сказал:

– Так слушайте же рассказ о калифе аисте.

Рассказ о калифе аисте

I

Однажды в прекрасное послеобеденное время багдадский калиф³ Хасид уютно сидел на своём диване. Он немного поспал, потому что был жаркий день, и теперь имел очень весёлый вид. Он курил из длинной трубки розового дерева, отпивал иногда немного кофе, который наливал ему раб, и всякий раз, когда кофе казался ему вкусным, весело поглаживал себе бороду. Словом, по калифу видно было, что ему очень приятно. В этот час очень хорошо можно было говорить с ним, потому что он был всегда очень милостив и снисходителен; поэтому и его великий визирь⁴ Мансор ежедневно посещал его в это время. В это послеобеденное время он тоже пришёл, но против обыкновения имел очень задумчивый вид. Калиф немного вынул изо рта трубку и сказал:

– Почему у тебя такое задумчивое лицо, великий визирь?

Великий визирь крестообразно сложил руки на грудь, поклонился своему государю и ответил:

– Государь, задумчивое ли у меня лицо – я не знаю, но там внизу, у дворца, стоит торговец, у которого такие прекрасные вещи, что мне досадно не иметь много лишних денег.

Калиф, который уже давно охотно порадовал бы своего великого визиря, послал вниз чёрного раба, чтобы привести торговца наверх. Скоро раб вернулся с торговцем. Это был маленький, толстый человек, смуглый лицом и в оборванной одежде. Он принёс ящик, в котором у него были всякие товары: жемчуг и кольца, богато оправленные пистолеты, кубки и гребни. Калиф и его визирь всё пересмотрели, и калиф купил наконец для себя и Мансора прекрасные пистолеты, а для жены визиря – гребень. Когда торговец хотел уже опять закрыть свой ящик, калиф увидел маленький выдвижной ящичек и спросил, есть ли и там ещё товары.

Торговец вынул ящик и показал в нём коробку с черноватым порошком и бумагу с очень странной надписью, которую не могли прочесть ни калиф, ни Мансор.

– Эти две вещи я получил однажды от купца, который нашёл их в Мекке на улице, – сказал торговец. – Я не знаю, что они содержат; они к вашим услугам за ничтожную цену, я ведь ничего не могу сделать с ними.

Калиф, который любил иметь в своей библиотеке старинные рукописи, хотя и не мог читать их, купил рукопись и коробку и отпустил торговца. Он стал думать, как бы ему узнать, что содержит рукопись, и спросил визиря, не знает ли он кого-нибудь, кто мог бы разобрать её.

– Всемиловейший государь и повелитель, – отвечал визирь, – у большой мечети живёт один человек, которого зовут Селимом Мудрецом; он знает все языки. Позови его, может быть, он знает эти таинственные знаки.

Скоро учёный Селим был приведён.

– Селим, – сказал ему калиф, – говорят, ты очень учен. Взгляни-ка на эту рукопись, можешь ли ты прочесть её? Если сможешь, то получишь от меня новое праздничное платье, если не сможешь – получишь двенадцать ударов по щеке и двадцать пять по подошвам, потому что тогда тебя напрасно называют Селимом Мудрецом.

Селим поклонился и сказал:

– Да будет воля твоя, государь!

Он долго и внимательно рассматривал рукопись, но вдруг воскликнул:

³ Калиф (халиф) – титул правителя у мусульман.

⁴ Визирь – в некоторых странах Востока: министр, высший сановник.

– Это написано по-латыни, государь, или пусть меня повесят!

– Скажи, что в ней написано, – приказал калиф, – если это по-латыни.

Селим начал переводить:

«Человек, ты, который найдёшь это, восхвали Аллаха за его милость. Кто понюхает порошка в этой коробке и при этом скажет *мутабор*⁵, тот может превратиться во всякое животное и будет понимать также язык животных. Если он захочет опять возвратиться в свой человеческий образ, то пусть он трижды поклонится на восток и скажет это же слово! Но остерегайся смеяться, когда будешь превращён! Иначе волшебное слово совершенно исчезнет из твоей памяти, и ты останешься животным!»

Когда Селим прочёл всё это, калиф был чрезвычайно доволен. Он велел учёному поклясться никому не говорить об этой тайне, подарил ему прекрасное платье и отпустил его. А своему великому визирю он сказал:

– Это я называю хорошей покупкой, Мансор! Как я буду рад, когда буду животным! Завтра утром ты придёшь ко мне! Потом мы вместе пойдём в поле, понюхаем немного из моей коробки, а затем будем подслушивать, что говорится в воздухе и в воде, в лесу и в поле.

II

Едва на другое утро калиф Хасид позавтракал и оделся, как уже явился великий визирь сопровождать его, как он приказал, на прогулку. Калиф сунул коробку с волшебным порошком за пояс и, приказав своей свите остаться сзади, отправился в путь с одним великим визирем. Сперва они пошли по обширным садам калифа, но напрасно высматривали что-нибудь живое, чтобы испробовать свой фокус. Наконец визирь предложил пойти дальше, к пруду, где он уже часто видал много животных, а именно аистов, которые своей важностью и своим курлыканьем всегда возбуждали его внимание.

Калиф одобрил предложение своего визиря и пошёл с ним к пруду. Придя туда они увидели аиста, который важно расхаживал, отыскивая лягушек и иногда что-то курлыча про себя. В то же время далеко вверху, в воздухе, они увидели другого аиста, летевшего к этому месту.

– Ручаюсь своей седой бородой, всемилостивейший государь, – сказал великий визирь, – если эти двое длинноногих не поведут между собою прекрасного разговора. А что если нам сделаться аистами?

– Отлично! – отвечал калиф.

– Но прежде ещё раз сообразим, как сделаться опять человеком.

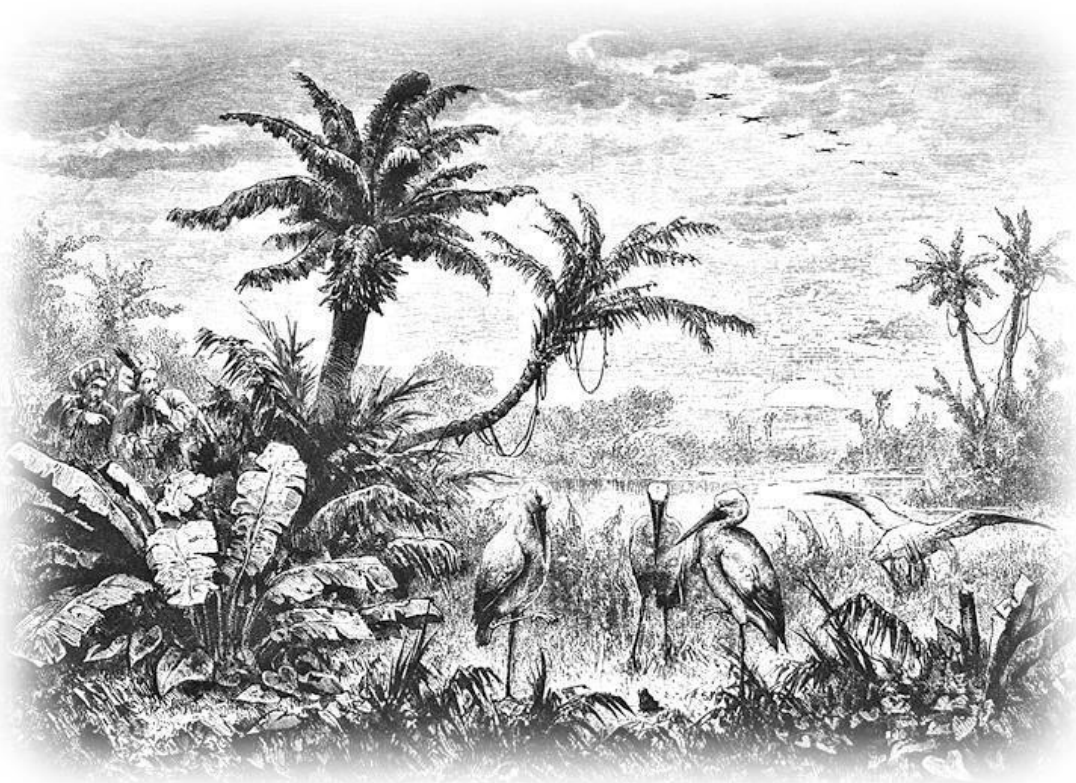
– Верно! Трижды поклонившись на восток и сказав *мутабор* я буду опять калифом, а ты – визирем. Но только, ради неба, не смеяться, а то мы пропали!

Сказав так, калиф увидел, что другой аист парит над их головами и медленно опускается на землю. Он быстро вынул из-за пояса коробку, взял хорошую щепоть, предложил её великому визирю, который тоже понюхал, и оба воскликнули: «Мутабор!»

Тогда их ноги сморщились и стали тонкими и красными: красивые желтые туфли калифа и его спутника сделались безобразными ногами аистов, руки – крыльями, шея вышла из плеч и стала длиной в локоть⁶, борода исчезла, а всё тело покрыли мягкие перья.

⁵ Я превращаюсь.

⁶ Локоть – как мера длины известен у многих народов мира; в среднем равнялся 6–7 ладоням (45–52 см).

– У вас красивый клюв, великий визирь, – сказал после долгого изумления калиф. – Клянусь бородой Пророка, ничего такого я не видал в своей жизни!

– Покорнейше благодарю, – ответил великий визирь кланяясь, – но, если я могу осмелиться, я утверждаю, что аистом ваше высочество почти ещё красивее, чем калифом. Однако пойдёмте, если вам угодно, подслушивать там наших товарищей и испытать, действительно ли мы знаем язык аистов.

Между тем другой аист прилетел на землю. Он почистил себе клювом ноги, расправил перья и подошёл к первому аисту. А оба новых аиста поспешили подойти поближе к ним и, к своему изумлению, услышали следующий разговор:

– Здравствуйте, Длинноножка! Так рано и уже на лугу?

– Очень вам благодарна, моя милая Трещотка! Я добыла себе только маленький завтрак. Может быть, вам угодно четвертинку ящерицы или бёдрышко лягушки?

– Благодарю покорно – у меня сегодня совсем нет аппетита. Я прилетела на луг даже совсем за другим. Я должна сегодня танцевать перед гостями своего отца и хочу немного поупражняться наедине.

В то же время молодой аист с удивительными движениями зашагал по полю. Калиф и Мансор с удивлением смотрели на него. А когда он в живописной позе стал на одной ноге и при этом грациозно замахал крыльями, тогда оба они уже не могли сдержаться: из их клювов вырвался неудержимый смех, от которого они опомнились только спустя долгое время.

Сперва успокоился калиф.

– Это была прекрасная шутка! – воскликнул он. – Такой не купишь за деньги! Жаль, что своим смехом мы спугнули глупых животных, а то они, наверно, ещё и спели бы.

Но теперь великому визирю пришло в голову, что смех во время превращения был запрещён. Поэтому он поделился своим опасением с калифом.

– Клянусь Меккой и Мединой! Это была бы плохая шутка, если бы я должен был остаться аистом! Вспомни же глупое слово! Я не произнесу его.

– Мы должны трижды поклониться на восток и при этом сказать: *му-му-му...*

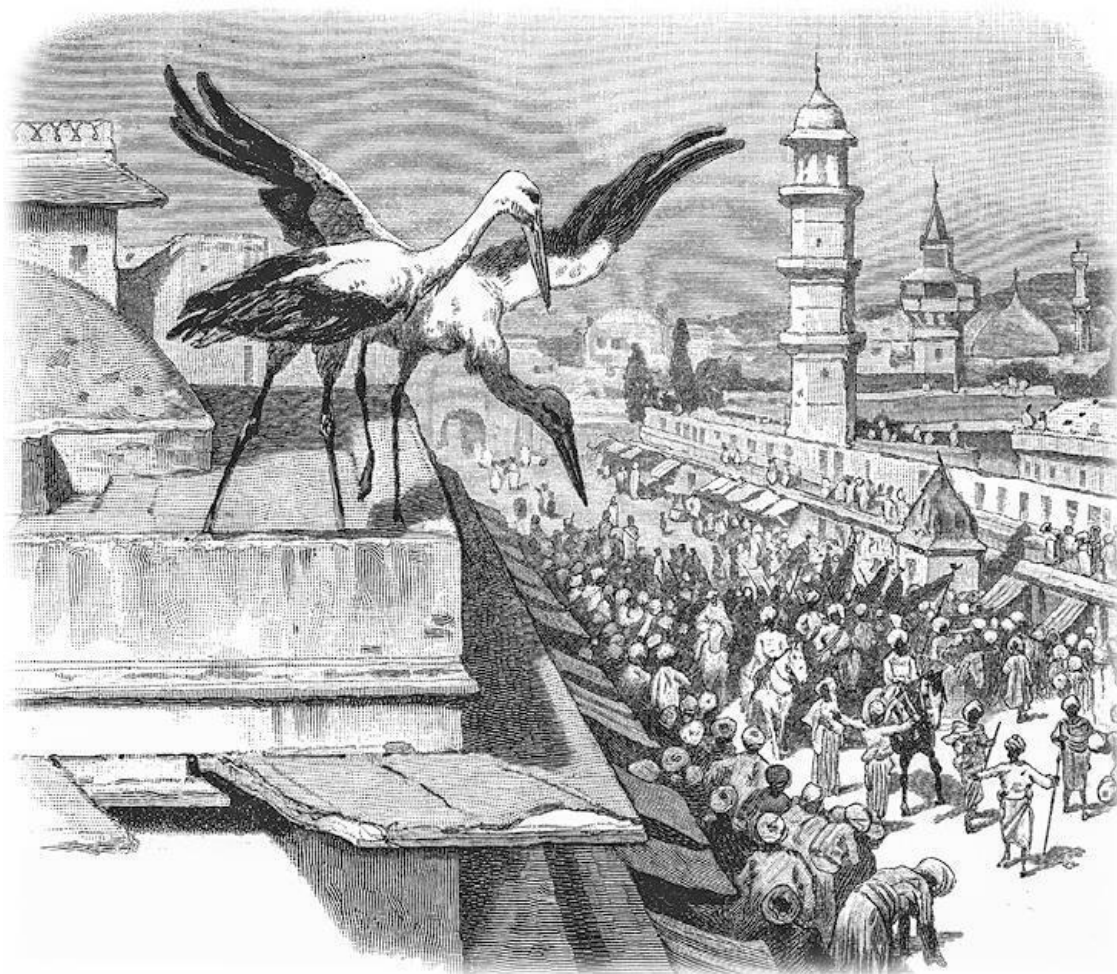
Они стали к востоку и беспрестанно кланялись, так что их клювы почти касались земли. Но горе! Они забыли волшебное слово, и сколько ни кланялся калиф, как страстно его визирь ни восклицал при этом *му-му-му*, всякое воспоминание о нём исчезло, и бедный Хасид и его визирь остались аистами.

III

Печально бродили заколдованные по полям. Они совершенно не знали, что им делать в своём горе. Выйти из своей кожи аистов они не могли, вернуться в город, чтобы дать возможность узнать себя, тоже не могли; ведь кто же поверил бы аисту, что он калиф? А если бы даже и поверили этому, то захотят ли жители Багдада иметь калифом аиста?

Так они блуждали несколько дней и скудно питались полевыми плодами, которыми, однако, вследствие своих длинных клювов они не могли хорошо кормиться. Впрочем, к ящерицам и лягушкам у них не было аппетита, потому что они опасались испортить себе такими лакомствами желудок. Их единственным удовольствием в этом печальном положении было то, что они могли летать, и вот они часто летали на крыши Багдада смотреть что происходит в нём.

В первые дни они замечали на улицах большое беспокойство и печаль. А приблизительно на четвёртый день после своего превращения они сидели на дворце калифа и увидели внизу на улице пышное шествие. Звучали барабаны и трубы; на разукрашенной лошади сидел человек в вышитой золотом пурпурной мантии, окружённый блестящими слугами. За ним бежала половина Багдада, и все кричали: «Да здравствует Мицра, властитель Багдада!» Тогда оба аиста на крыше дворца посмотрели друг на друга, и калиф Хасид сказал:

– Ты догадываешься теперь, почему я заколдован, великий визирь? Этот Мицра – сын моего смертельного врага, могущественного волшебника Кашнура, который в минуту гнева поклялся мне в мести. Но я ещё не теряю надежды. Пойдём со мной, верный товарищ моего горя! Мы отправимся к гробу Пророка; может быть, в святом месте это колдовство будет уничтожено.

Они поднялись с крыши дворца и полетели в сторону Медины.

Но лететь им не очень-то удавалось, потому что у обоих аистов было ещё мало упражнения.

– Государь, – застонал через несколько часов великий визирь, – простите, я уж недолго выдержу это! Вы летите слишком быстро! Да и уж вечер! Мы хорошо бы сделали, если бы поискали на ночь пристанища.

Калиф выслушал просьбу своего слуги, а так как внизу в долине он увидел развалины, которые, казалось, давали приют, то они полетели туда. Место, где они спустились на эту ночь, прежде, по-видимому, было замком. Среди развалин возвышались прекрасные колонны; несколько комнат, которые ещё достаточно сохранились, свидетельствовали о прежнем величии этого дома. Хасид и его спутник пошли по коридорам искать себе сухое местечко.

Вдруг аист Мансор остановился.

– Государь и повелитель, – тихо прошептал он, – глупо было бы великому визирю, а ещё больше аисту, бояться привидений! Мне очень страшно, потому что здесь рядом что-то только что совершенно внятно вздыхало и стонало.

Калиф тоже остановился и совершенно ясно услышал тихий плач, который принадлежал, казалось, скорее человеку, нежели животному. Исполненный ожидания, он хотел подойти к

тому месту, откуда шли жалобные звуки, но визирь схватил его клювом за крыло и с мольбой попросил его не бросаться в новые, неизвестные опасности. Но напрасно! Калиф, у которого и под крылом аиста билось храброе сердце, вырвался, потеряв несколько перьев, и поспешил в тёмный проход. Скоро он подошёл к двери, которая, казалось, была только притворена и из-за которой он услышал явственные вздохи и стоны. Он открыл дверь, толкнув её клювом, но в изумлении остановился на пороге. В развалившейся комнате, которая скудно освещалась только небольшим решетчатым окном, он увидел сидевшую на полу большую ночную сову. Крупные слезы катились у неё из больших, круглых глаз и хриплым голосом она издавала вопли своим кривым клювом. Но когда она увидела калифа и его визиря, который между тем тоже подкрался, она подняла громкий радостный крик. Она красиво утёрла крылом с бурыми пятнами слезы с глаз и, к великому изумлению обоих, воскликнула на хорошем арабском языке:

– Милости просим, аисты! Вы для меня добрый знак моего спасения, потому что через аистов мне явится большое счастье. Так однажды мне было предсказано!

Когда калиф опомнился от своего изумления, он поклонился своей длинной шеей, красиво поставил свои тонкие ноги и сказал:

– Сова! По твоим словам я могу думать, что вижу в тебе товарища по несчастью. Но увы! Твоя надежда, что через нас явится твоё спасение, напрасна! Ты сама узнаешь нашу беспомощность, когда услышишь нашу историю.

Сова попросила его рассказать, а калиф начал и рассказал то, что мы уже знаем.

IV

Когда калиф изложил сове свою историю, она поблагодарила его и сказала:

– Узнай также мою историю и выслушай, что я не меньше тебя несчастна. Мой отец – король Индии; меня, его единственную, несчастную дочь, зовут Лузой. Тот волшебник Кашнур, который заколдовал вас, сделал несчастной и меня. Однажды он явился к моему отцу и стал просить меня в жёны для своего сына Мицры. А мой отец, человек вспыльчивый, велел спустить его с лестницы. Негодяй сумел под другим видом опять подкрасться близко ко мне, и когда я однажды в своём саду захотела выпить прохладительного, он, переодетый рабом, принёс мне питье, которое превратило меня в этот мерзкий вид. Он принёс меня, бессильную от ужаса, сюда и страшным голосом крикнул мне в уши:

«Ты должна оставаться безобразной, презираемой даже животными до своей смерти или пока кто-нибудь добровольно не пожелает тебя, даже в этом ужасном виде, в супруги. Так я мщу тебе и твоему гордому отцу!»

С тех пор прошло много месяцев. Одиноко и печально я живу отшельницей в этих стенах, ненавидимая миром и отвратительная даже для животных; прекрасная природа недоступна мне: ведь днём я слепа, и только когда месяц разливают на эти стены свой бледный свет, с моих глаз спадает окутывающий их покров.

Сова кончила и крылом опять утёрла глаза, потому что рассказ о своих страданиях вызвал у неё слезы.

При рассказе принцессы калиф погрузился в глубокие размышления.

– Если не всё меня обманывает, – сказал он, – то между нашими несчастьями существует таинственная связь; но где мне найти ключ к этой загадке?

Сова отвечала ему:

– О государь, и я предчувствую это, потому что однажды, в ранней юности, мне было предсказано мудрой женщиной, что аист принесёт мне большое счастье, и я, может быть, знаю, как мы могли бы спастись.

Калиф был очень изумлён и спросил, каким же путём можно спастись по её мнению.

– Волшебник, который обоих нас сделал несчастными, – сказала она, – раз в месяц приходит в эти развалины. Недалеко от этой комнаты есть зала. Там он и многие его товарищи собираются и пируют. Уже не раз я подслушивала их там. Тогда они рассказывают друг другу свои постыдные дела; быть может, в то время он произносит волшебное слово, которое вы забыли.

– Дражайшая принцесса! – воскликнул калиф. – Скажи, когда он приходит и где эта зала! Сова минуту помолчала, а потом сказала:

– Не обижайтесь, но только под одним условием я могу исполнить ваше желание.

– Говори! Говори! – закричал Хасид. – Приказывай, для меня всё хорошо!

– Я очень хотела бы тоже быть свободной. Но это может произойти лишь тогда, когда один из вас предложит мне свою руку.

Аисты, по-видимому, были несколько смущены этим предложением, и калиф сделал своему слуге знак немного отойти с ним.

– Великий визирь, – сказал за дверью калиф, – это глупая сделка, но вы могли бы, как мне кажется, принять её.

– Как? – отвечал визирь. – Чтобы моя жена, когда я приду домой, выцарапала мне глаза? К тому же я старик, а вы ещё молоды, не женаты. Вы скорее можете отдать руку молодой, прекрасной принцессе.

– То-то и есть, – вздохнул калиф, печально опуская крылья, – кто же говорит тебе, что она молода и прекрасна? Это значит купить за глаза!

Они ещё долго уговаривали друг друга, но наконец, когда калиф увидел, что его визирь предпочитает остаться аистом, нежели жениться на сове, он решился сам исполнить условие. Сова очень обрадовалась. Она призналась им, что в лучшее время они не могли бы прийти, потому что волшебники соберутся, вероятно, в эту ночь.

Она вместе с аистами покинула комнату, чтобы вести их в ту залу. Они долго шли в тёмном коридоре; наконец из-за полуразвалившейся стены им блеснул в глаза яркий свет. Когда они подошли туда, сова посоветовала им держать себя совсем тихо. Через отверстие, у которого они стояли, они могли осмотреть большую залу. Она была украшена колоннами и великолепно убрана. Множество цветных ламп заменяли дневной свет. Посредине залы стоял круглый стол, уставленный множеством изысканных кушаний. Вокруг стола тянулся диван, на котором сидели восемь человек. В одном из этих людей аисты узнали того торговца, который продал им волшебный порошок. Его сосед пригласил его рассказать им свои новейшие дела. Он рассказал между прочим и историю калифа и его визиря.

– Какое же слово ты им задал? – спросил его другой волшебник.

– Очень трудное, латинское слово – *мутабор*.

V

Когда аисты у своего отверстия в стене услышали это, они от радости почти вышли из себя. На своих длинных ногах они так быстро побежали к воротам развалин, что сова едва могла поспевать. Там растроганный калиф сказал сове:

– Спасительница моей жизни и жизни моего друга, возьми меня в супруги в знак вечной благодарности за то, что ты сделала для нас!

А затем он обернулся к востоку. Аисты трижды склонили свои длинные шеи навстречу солнцу, которое только что поднималось за горами. «*Мутабор!*» – воскликнули они и вмиг превратились в людей. В великой радости от вновь дарованной жизни государь и слуга смеясь и плача обнимали друг друга. Но кто опишет их изумление, когда они оглянулись? Перед ними стояла прекрасная, великолепно наряженная дама. Она с улыбкой подала калифу руку.

– Разве вы уже не узнаете свою ночную сову? – сказала она.

Это была она. Калиф был так восхищён её красотой и прелестью, что воскликнул:

– Моё величайшее счастье, что я в своё время сделался аистом!

Теперь все трое вместе направились в Багдад.

В своей одежде калиф нашёл не только коробку с волшебным порошком, но и свой кошелёк с деньгами. Поэтому в ближайшей деревне он купил всё, что было необходимо для их путешествия, и вот они скоро приехали к воротам Багдада. А там прибытие калифа возбудило

большое изумление. Его выдавали за умершего, и поэтому народ был очень рад опять иметь своего возлюбленного государя.

Но тем сильнее возгорелась ненависть жителей к обманщику Мицре. Они пошли во дворец и поймали старого волшебника и его сына. Старика калиф отправил в ту самую комнату развалин, где принцесса жила совой, и велел повесить его там. А сыну, который ничего не понимал в искусствах отца, калиф предоставил выбрать, что он хочет: умереть или понюхать порошка. Когда он выбрал последнее, великий визирь подал ему коробку. Порядочная щепоть и волшебное слово калифа превратили его в аиста. Калиф велел запереть его в железную клетку и поставить её в своём саду.

Долго и весело жил калиф Хасид со своей женой принцессой. Его самыми приятными часами были всегда те, когда после обеда его посещал великий визирь. Тогда они часто говорили о своих приключениях, когда были аистами, и если калиф был очень весел, то снисходил до того, что изображал великого визиря, какой вид он имел аистом. Он важно ходил не сгибая ног взад и вперёд по комнате, курлыкал, махал руками, как крыльями, и показывал, как визирь тщетно кланялся на восток и при этом восклицал *му-му*. Для жены калифа и её детей это представление всегда было большой радостью; но когда калиф слишком долго курлыкал, кланялся и кричал *му-му*, то визирь улыбаясь грозил ему, что сообщит жене калифа, что обсуждалось за дверью принцессы ночной совы.

* * *

Когда Селим Барух окончил свой рассказ, купцы, казалось, были очень довольны им.

– Правда, послеобеденное время прошло у нас так, что мы и не заметили! – сказал один из них, открывая ковёр палатки. – Дует прохладный, вечерний ветер; мы могли бы проехать ещё хорошее расстояние.

Его товарищи согласились на это. Палатки были разобраны, и караван отправился в путь в том же порядке, в каком пришёл.

Они проехали почти всю ночь; ведь днём было душно, а ночь была прохладная и звёздная. Наконец они подъехали к удобному привалу, раскинули палатки и легли отдыхать. О незнакомце купцы заботились так, как будто он был их самым дорогим гостем. Один дал ему подушки, другой – одеяла, третий дал рабов; словом, ему прислуживали так хорошо, как будто он был дома. Когда они опять встали, наступили уже более жаркие часы дня, и они единодушно решили дожждаться здесь вечера. Пообедав вместе, они опять сдвинулись ближе, и молодой купец обратился к самому старшему и сказал:

– Вчера Селим Барух доставил нам приятный послеобеденный отдых. Что, если вам, Ахмет, тоже рассказать нам что-нибудь из своей долгой жизни, которая, вероятно, может указать на много приключений, или хорошенькую сказку.

На это Ахмет некоторое время молчал, как бы колеблясь про себя – сказать ли ему то или другое или нет. Наконец он заговорил:

– Любезные друзья! Вы оказались в этом нашем путешествии верными товарищами, а Селим тоже заслуживает моего доверия. Поэтому я поделюсь с вами кое-чем из своей жизни, что обыкновенно я неохотно и не всякому рассказываю: я расскажу вам историю о корабле привидений.

Рассказ о корабле привидений

Мой отец имел в Бальсоре небольшую лавку. Он был ни беден ни богат и был одним из тех людей, которые неохотно решаются на что-нибудь, из страха потерять то небольшое, что имеют. Он воспитывал меня просто и хорошо и скоро достиг того, что я мог помогать ему. Как раз в то время, когда мне было восемнадцать лет и когда он совершил первое более крупное предприятие, он умер, вероятно от печали, что вверил морю тысячу золотых.

Вскоре после этого я должен был считать его смерть счастливой, так как спустя немного недель пришло известие, что корабль, на который мой отец отдал свои товары, пошёл ко дну. Но эта неудача не могла сломить моего юношеского мужества. Я окончательно превратил в деньги всё, что оставил мой отец, и отправился испытать своё счастье на чужбине; меня сопровождал только старый слуга моего отца, который по старинной привязанности не хотел расстаться со мной и моей судьбой.

В гавани Бальсоры мы сели на корабль при благоприятном ветре. Корабль, на котором я купил себе место, направлялся в Индию. Мы проехали обычной дорогой уже пятнадцать дней, когда капитан объявил нам о буре. Он был задумчив, потому что в этом месте он, по видимому, недостаточно знал фарватер, чтобы спокойно встретить бурю. Он велел убрать все паруса, и мы поплыли совсем тихо.

Наступила ночь, было светло и холодно, и капитан уже думал, что обманулся в признаках бури. Вдруг вблизи нашего корабля пронёсся другой корабль, которого мы раньше не видали. С его палубы раздавалось дикое ликование и крик, чему я в этот страшный час перед бурей немало удивился. А капитан рядом со мной побледнел как смерть.

– Мой корабль погиб! – воскликнул он. – Там носится смерть!

Ещё прежде чем я мог спросить его об этом странном восклицании, уже вбежали с воплем и криком матросы.

– Видели вы его? – кричали они. – Теперь мы погибли!

Капитан велел читать вслух утешительные изречения из Корана и сам встал к рулю. Но напрасно! Видимо, буря разбушевалась, и не прошло часа, как корабль затрещал и остановился. Были спущены лодки, и едва спаслись последние матросы, как корабль на наших глазах пошёл ко дну, и я нищим оказался в открытом море. Но несчастью ещё не было конца. Буря стала свирепствовать страшнее; лодкой уж нельзя было управлять. Я крепко обнял своего старого слугу, и мы пообещали никогда не покидать друг друга.

Наконец наступил день. Но с первым проблеском утренней зари ветер подхватил лодку, в которой мы сидели, и опрокинул её. Никого из своих моряков я уж не видал. Падение оглушило меня, а когда я очнулся, то находился в объятиях своего старого, верного слуги, который спасся на опрокинутую лодку и вытащил за собою меня.

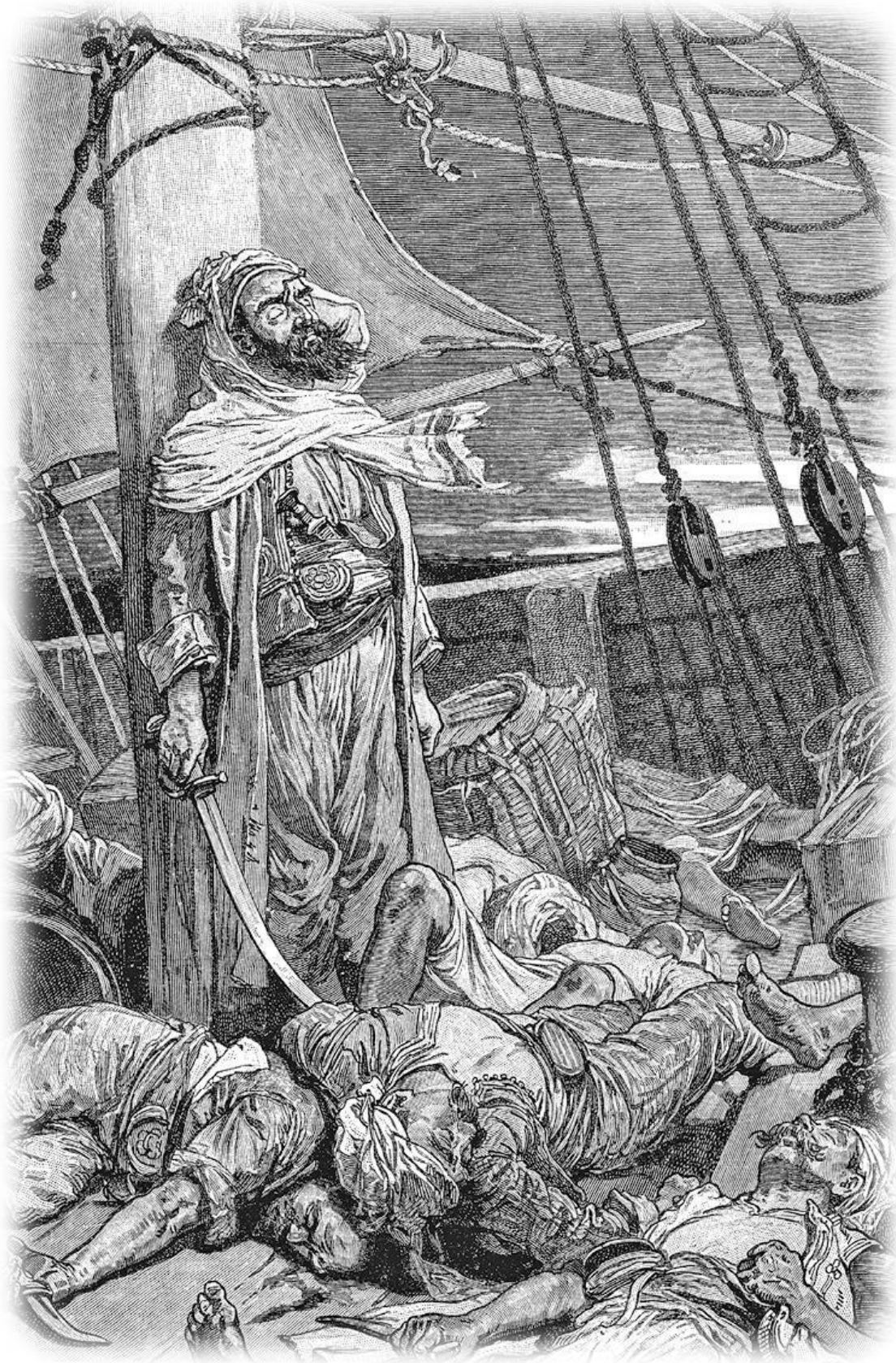

Буря улеглась. От нашего корабля ничего уж не было видно, но недалеко от себя мы заметили другой корабль, к которому волны несли нас. Когда мы приблизились, я узнал тот самый корабль, который ночью пронёсся мимо нас и который навёл на капитана такой страх. Я почувствовал странный ужас перед этим кораблём. Заявление капитана, которое так страшно подтвердилось, и безлюдный вид корабля, на котором никто не показывался, как близко мы ни подплывали, как громко ни кричали, испугали меня. Однако это было нашим единственным средством спасения, поэтому мы восхвалили Пророка, который так чудесно сохранил нас.

На носу корабля свешивался длинный канат. Мы стали руками и ногами грести, чтобы схватить его. Наконец это удалось. Я ещё раз возвысил голос, но на корабле всё оставалось тихо. Тогда мы стали взбираться по канату наверх; я, как более молодой, – впереди. О ужас! Какое зрелище представилось моим глазам, когда я вступил на палубу! Пол был красен от крови; на нём лежало двадцать или тридцать трупов в турецких одеждах; у средней мачты стоял человек, богато одетый и с саблей в руке, но его лицо было бледно и искажено, а через лоб проходил большой гвоздь, которым он был прибит к мачте, и он был мёртв. Ужас сковал мои шаги, я едва смел дышать. Наконец и мой спутник взошёл наверх. И его поразил вид палубы, на которой совсем не было видно ничего живого, но лишь столько ужасных мертвецов. Наконец, помолвившись в душевном страхе Пророку, мы решили пройти дальше. На каждом шагу мы оглядывались, не представится ли чего-нибудь нового, ещё ужаснее. Но всё оставалось так как было – нигде ничего живого, кроме нас и океана. Мы даже не решались громко говорить из страха, что мёртвый, пригвождённый к мачте капитан направит на нас свои неподвижные глаза или один из мертвецов повернёт голову.

Наконец мы подошли к лестнице, которая вела в трюм. Там мы невольно остановились и посмотрели друг на друга, потому что ни один не решился выразить свои мысли прямо.

– Господин, – сказал мой верный слуга, – здесь произошло что-то ужасное. Однако если даже корабль там внизу наполнен убийцами, всё-таки я предпочитаю безусловно сдаться им, чем оставаться среди этих мертвецов.

Я думал так же, как он. Мы собрались с духом и стали спускаться вниз, исполненные ожидания. Но и здесь была мёртвая тишина, и только наши шаги раздавались на лестнице.

Мы стали у двери каюты. Я приложил ухо к двери и прислушался; ничего не было слышно. Я отворил. Комната представляла беспорядочный вид. Одежда, оружие и утварь – всё лежало в беспорядке. Должно быть, команда или по крайней мере капитан недавно бражничали, потому что всё было ещё разбросано. Мы пошли дальше, из помещения в помещение, из комнаты в комнату; везде мы находили чудные запасы шелка, жемчуга, сахара. При виде этого я был вне себя от радости: ведь так как на корабле никого нет, думал я, то всё можно присвоить себе. Но Ибрагим обратил моё внимание на то, что мы, вероятно, ещё очень далеко от земли, до которой одни и без человеческой помощи не сможем добраться.

Мы подкрепились кушаньями и напитками, которые нашли в изобилии, и наконец опять поднялись на палубу. Но здесь мы всё время дрожали от ужасного вида трупов. Мы решили избавиться от них и выбросить их за борт. Но как страшно нам стало, когда оказалось, что ни один труп нельзя сдвинуть с места. Они лежали на полу как заколдованные, и чтобы удалить их, пришлось бы вынимать пол палубы, а для этого у нас не было инструментов. Капитана тоже нельзя было оторвать от мачты; мы даже не могли вырвать саблю из его окоченевшей руки.

Мы провели день, печально размышляя о своём положении; когда же стала наступать ночь, я позволил старому Ибрагиму лечь спать. Сам я хотел бодрствовать на палубе, чтобы высмотреть спасение. Но когда взошла луна и я по звёздам рассчитал, что, вероятно, сейчас одиннадцатый час, мною овладел такой непреодолимый сон, что я невольно навзничь упал за бочку, которая стояла на палубе. Впрочем, это было скорее оцепенение, чем сон, потому что я ясно слышал удары моря о бок корабля и треск и свист парусов от ветра. Вдруг мне показалось, что я слышу голоса и человеческие шаги по палубе. Я хотел приподняться, чтобы посмотреть, но невидимая сила сковала мои члены – я даже не мог открыть глаза. А голоса становились всё яснее; мне казалось, будто по палубе бродит весёлый экипаж, а иногда казалось, что я слышу сильный голос командира, причём ясно слышал, как поднимали и опускали канаты и паруса. Но мало-помалу я терял сознание и впадал во всё более глубокий сон, во время которого слышал только шум оружия. Проснулся я лишь тогда, когда солнце стояло уже очень высоко и жгло мне лицо.

Я с удивлением посмотрел вокруг себя. Буря, корабль, мертвецы и то, что я слышал в эту ночь, представлялось мне сном; но когда я поднял взор, я нашёл всё как вчера. Мертвецы лежали неподвижно, неподвижен был прибитый к мачте капитан. Я посмеялся над своим сном и встал, чтобы разыскать своего старика.

Он очень задумчиво сидел в каюте.

– Господин! – воскликнул он, когда я вошёл к нему. – Я предпочёл бы лежать глубоко на дне моря, чем провести ещё ночь на этом заколдованном корабле!

Я спросил его о причине его горя, и он отвечал мне:

– Проспав несколько часов, я проснулся и услышал, что над моей головой кто-то бежит взад и вперёд. Сперва я подумал, что это вы; но наверху бегали по крайней мере двадцать человек, притом я слышал возгласы и крики. Наконец по лестнице раздались тяжёлые шаги. Потом я ничего уж не сознавал; лишь по временам сознание на несколько минут возвращалось ко мне, и тогда я видел, что тот самый человек, который наверху пригвождён к мачте, сидит там, за тем столом, поёт и пьёт; а тот, который в ярко-красной одежде лежит на полу недалеко от него, сидит около него и пьёт вместе с ним.

Так рассказал мне мой старый слуга.

Вы можете поверить мне, друзья мои, что на душе у меня было не очень хорошо; ведь это был не обман, ведь и я отлично слышал мертвецов. Плавать в таком обществе мне было страшно. А мой Ибрагим опять погрузился в глубокую задумчивость.

– Теперь я, кажется, припомнил! – воскликнул он наконец.

Он вспомнил заклинание, которому его научил дедушка, опытный, много путешествовавший человек. Оно должно было помогать против всякой нечистой силы и колдовства; при

этом он утверждал, что тот неестественный сон, который овладел нами, в следующую ночь можно отворотить, если очень усердно читать изречения из Корана.

Предложение старика мне очень понравилось. Мы со страхом стали ожидать наступления ночи. Около каюты была маленькая каморка, куда мы решили забраться. В двери мы просверлили несколько отверстий, достаточно больших, чтобы через них видеть всю каюту. Затем мы как можно лучше заперли изнутри дверь, а Ибрагим во всех четырёх углах написал имя Пророка. Так мы стали ожидать ночные ужасы. Было, вероятно, опять около одиннадцати часов, когда меня стало сильно клонить ко сну. Поэтому мой товарищ посоветовал мне прочесть несколько изречений Корана, что мне и помогло. Вдруг нам показалось, что наверху становится оживлённее: затрещали канаты, по палубе раздались шаги и можно было ясно различить голоса. В таком напряжённом ожидании мы просидели несколько минут, а затем услышали, что по лестнице каюты кто-то спускается. Когда старик услышал это, он начал произносить заклинание, которому его научил дедушка – заклинание против нечистой силы и колдовства:

Из поднебесья ль вы спускаетесь,
Со дна ль морского поднимаетесь,
В темной ли могиле вы спали,
От огня ли начало вы взяли,
У вас повелитель один,
Аллах – ваш господин;
Все вы покорны ему.

Я должен признаться, что совсем не верил в это заклинание, и у меня дыбом встали волосы, когда распахнулась дверь. Вошёл тот высокий, статный человек, которого я видел пригвождённым к мачте. Гвоздь и теперь проходил у него через мозг, но меч был вложен в ножны. За ним вошёл ещё другой, менее великолепно одетый – и его я видел лежащим наверху. У капитана, ведь это, несомненно, был он, было бледное лицо, большая чёрная борода и дико блуждающие глаза, которыми он оглядывал всю комнату. Когда он проходил мимо нашей двери, я мог видеть его совершенно ясно, а он, казалось, совсем не обращал внимания на дверь, которая скрывала нас.

Оба сели за стол, стоявший посредине каюты, и громко, почти крича, заговорили между собой на незнакомом языке. Они становились всё шумнее и сердитее, пока наконец капитан не ударил кулаком по столу, так что комната задрожала. Другой с диким смехом вскочил и сделал капитану знак следовать за ним. Капитан встал, выхватил из ножен саблю, и оба оставили комнату. Когда они ушли, мы вздохнули свободнее; но нашему страху ещё долго не было конца. На палубе становилось всё шумнее и шумнее. Послышалось торопливое беганье взад и вперёд, крик, смех и вопли. Наконец поднялся поистине адский шум, так что мы думали, что палуба со всеми парусами упадёт на нас, бряцание оружия и крик – и вдруг наступила глубокая тишина. Когда мы спустя много часов решились взойти наверх, мы нашли всё по-прежнему: ни один труп не лежал иначе, нежели раньше. Все были неподвижны, как деревянные.

Так мы пробыли на корабле несколько дней. Он шёл всё на восток, туда, где по моему расчёту должна была лежать земля; но если даже днём он проходил много миль, то ночью, по-видимому, всегда возвращался назад, потому что, когда всходило солнце, мы находились всегда опять на том же месте. Мы могли объяснить себе это не иначе как тем, что мертвецы каждую ночь на всех парусах плыли назад. Чтобы предотвратить это, мы до наступления ночи убрали все паруса и прибегли к тому же средству, как у двери в каюте: мы написали на пергаменте имя Пророка, а также заклинание дедушки, и привязали его к собранным парусам. Мы со страхом стали ожидать в своей каморке последствий. Нечистая сила неистовствовала на этот раз, казалось, ещё злобнее; но на другое утро паруса были ещё скатаны, как мы их оставили. В течение дня мы поднимали лишь столько парусов, сколько было необходимо, чтобы корабль тихо плыл дальше, и таким образом в пять дней прошли хорошее расстояние.

Наконец утром шестого дня мы на незначительном расстоянии заметили землю и возблагодарили Аллаха и его Пророка за своё чудесное спасение. Этот день и следующую ночь мы плыли у берега, а на седьмое утро нам показалось, что недалеко виднеется город. С большим трудом мы бросили в море якорь, который тотчас захватил землю, спустили маленькую лодку, стоявшую на палубе, и изо всей силы стали грести к городу. Спустя полчаса мы вошли в реку, которая вливалась в море, и вступили на берег. В городских воротах мы осведомились, как называется город, и узнали, что это индийский город, недалеко от того места, куда я сперва хотел ехать. Мы отправились в караван-сарай⁷ и подкрепились после своего путешествия, исполненного приключений. Там же я стал спрашивать о каком-нибудь мудром и разумном человеке, давая хозяину понять, что я хотел бы иметь такого, который немного понимает в колдовстве. Он повёл меня в отдалённую улицу, к невзрачному дому, постучался, и меня впустили, с указанием, что я должен спросить Мулея.

⁷ Караван-сарай – постоянный двор для караванов на торговом пути; дом для отдыха в ненаселённых местах, служащий кровом и стоянкой для путешественников.

В доме навстречу ко мне вышел старый человек с седой бородою и длинным носом. Он спросил, что мне надо. Я сказал ему, что ищу мудрого Мулея, и он отвечал мне, что это он сам. Я спросил у него совета, что мне сделать с мертвецами и как мне взяться за дело, чтобы снять их с корабля. Он отвечал мне, что люди на корабле, вероятно, заколдованы за какое-нибудь злодеяние относительно моря. Он думает, что колдовство будет разрушено, если принести их на землю, а это можно сделать только вырвав доски, на которых они лежат. По всей правде и справедливости корабль вместе со всеми товарами принадлежит мне, потому что я, так сказать, нашёл его, но я должен всё держать в большой тайне и сделать ему от своего избытка маленький подарок. За это он своими рабами поможет мне убрать мертвецов. Я обещал щедро наградить его, и с пятью рабами, снабжёнными топорами и пилами, мы отправились в дорогу. По дороге волшебник Мулей очень хвалил нашу счастливую выдумку обёртывать паруса изречениями Корана. Он сказал, что это было единственным средством нашего спасения.

Когда мы прибыли на корабль, было ещё довольно рано. Мы все тотчас же принялись за дело, и через час в челноке уже лежали четыре трупа. Некоторые из рабов должны были отвезти их на землю, чтобы там зарыть их. Вернувшись, они рассказали, что мертвецы избавили от труда погребать их, рассыпавшись в пыль, как только их положили на землю. Мы продолжали отпиливать мертвецов, и до вечера все они были свезены на землю. Наконец на борту никого больше не было, кроме пригвождённого к мачте. Мы напрасно старались вытащить из дерева гвоздь, никакая сила не могла подвинуть его даже на волос. Я не знал, что делать – нельзя же было срубить мачту, чтобы отвезти её на землю! Но в этом затруднении помог Мулей. Он быстро велел рабу съездить на берег и привезти горшок земли. Когда горшок был привезён, волшебник произнёс над ним таинственные слова и высыпал землю на голову мертвеца. Последний тотчас открыл глаза и глубоко вздохнул, а на лбу из раны от гвоздя потекла кровь. Теперь мы легко вытащили гвоздь, и раненый упал на руки одного из рабов.

– Кто привёз меня сюда? – спросил он, немного придя, по-видимому, в чувство.

Мулей указал на меня, и я подошёл к нему.

– Благодарю тебя, неизвестный чужестранец, ты избавил меня от долгих мучений. Уже пятьдесят лет моё тело плавает по этим волнам, а моя душа была осуждена каждую ночь воз-

вращаться в него. Но теперь моя голова коснулась земли, и я, примирившись, могу наконец пойти к своим отцам.

Я попросил его сказать всё-таки нам, как он дошёл до этого ужасного состояния, и он сказал:

– Пятьдесят лет тому назад я был могущественным, знатным человеком и жил в Алжире; страсть к наживе заставила меня снарядить корабль и заняться морским разбоем. Я продолжал это занятие уже много времени, и вот однажды на острове Занте я взял на корабль дервиша⁸, который хотел ехать даром. Я и мои товарищи были грубыми людьми и не уважали святости этого человека; я даже насмеялся над ним. А когда он однажды, в святом рвении, упрекнул меня моим грешным образом жизни, ночью в каюте, когда я со своим штурманом много выпил, – мною овладел гнев.

Взбешённый тем, что сказал мне дервиш и чего я не позволил бы сказать мне ни одному султану⁹, я бросился на палубу и вонзил ему в грудь свой кинжал. Умирая, он проклял меня и мой экипаж, чтобы нам не умирать и не жить, до тех пор, пока мы не положим своей головы на землю. Дервиш умер, мы выбросили его в море и осмеяли его угрозы. Но его слова исполнились ещё в ту же ночь. Часть моего экипажа возмутилась против меня. Борьба шла со страшной яростью, пока мои приверженцы не полегли, а я не был пригвождён к мачте. Но и мятежники погибли от ран, и скоро мой корабль был только большой могилой. У меня тоже помутились глаза, остановилось дыхание. Я думал, что умру. Но это было только оцепенение, которое сковало меня. На следующую ночь, в тот самый час, когда мы бросили дервиша в море, я и все мои товарищи проснулись. Жизнь возвратилась к нам, но мы могли делать и говорить только то, что говорили и делали в ту ночь. Так мы плаваем уже пятьдесят лет, не можем ни жить ни умереть; в самом деле, как мы могли достигнуть земли? С безумной радостью мы всегда плыли на всех парусах в бурю, надеясь разбиться наконец об утёс и сложить усталую голову на дне

⁸ Дервиш – мусульманский нищенствующий монах.

⁹ Султан – высший титул правителя в исламских государствах, единоличного представителя светской власти, в противоположность имаму – религиозному авторитету.

моря. Это нам не удавалось. Но теперь я умру. Ещё раз благодарю тебя, неведомый спаситель! Если сокровища могут наградить тебя, то в знак благодарности возьми мой корабль!

Сказав это, капитан склонил свою голову и умер. И он, как и его товарищи, тотчас же рассыпался в пыль. Мы собрали её в ящичек и зарыли на берегу, а из города я взял работников, которые привели мой корабль в хорошее состояние. С большой выгодой обменяв товары, бывшие у меня на корабле, на другие, я нанял матросов, щедро одарил своего друга Мулея и отплыл в своё отечество. Но я сделал крюк, приставая ко многим островам и странам и вынося свои товары на рынок. Пророк благословил моё предприятие. Спустя три четверти года я приехал в Бальсору вдвое богаче, чем сделал меня умерший капитан. Мои сограждане были изумлены моими богатствами и моим счастьем и не сомневались в том, что я нашёл алмазную долину знаменитого путешественника Синдбада. Я оставил их в этой уверенности, но с этих пор молодые люди Бальсоры, едва достигнув восемнадцати лет, должны были отправляться по свету, чтобы подобно мне составить своё счастье. А я живу спокойно и мирно и каждые пять лет совершаю путешествие в Мекку, чтобы в святом месте благодарить Аллаха за его благословение и просить за капитана и его людей, чтобы Он принял их в свой рай.

* * *

На другой день путь каравана продолжался без задержки. Когда купцы отдохнули на привале, незнакомец Селим заговорил с Мулеем, самым младшим из купцов:

– Вы, конечно, самый молодой из нас, но вы всегда веселы и наверно знаете какую-нибудь хорошую, забавную повесть. Расскажите её, чтобы после дневного зноя она оживила нас!

– Я, пожалуй, рассказал бы вам что-нибудь, – отвечал Мулей, – что могло бы позабавить вас, но юности во всём подобает скромность, поэтому мои старшие спутники должны иметь преимущество. Цалейкос всегда так угрюм и замкнут – не расскажет ли он нам, что сделало его жизнь такой суровой? Может быть, мы в состоянии облегчить его горе, если оно есть у него. Ведь мы охотно служим своему брату, даже если он другой веры.

Названный Мулеем человек был греческим купцом средних лет, красивым и сильным, но очень угрюмым. Хотя он был неверным, то есть не мусульманином, однако его спутники любили его, потому что он всем своим поведением внушал им уважение и доверие. У него была, впрочем, только одна рука, и некоторые из его товарищей предполагали, что, может быть, потеря руки делает его таким угрюмым.

На откровенный вопрос Мулея Цалейкос отвечал:

– Я очень польщён вашим доверием. У меня нет никакого горя, по крайней мере такого, в котором вы, даже при лучшем желании, можете помочь мне. Но так как Мулей, кажется, упрекает меня в угрюмости, то я кое-что расскажу вам, что должно оправдать меня, если я кажусь угрюмее других. Вы видите, что я потерял левую руку. Её нет у меня не от рождения, я лишился её в самые ужасные дни своей жизни. Есть ли у меня причина быть со времени тех дней угрюмее, чем это следует в моем положении, или я не прав, – вы можете судить.

Рассказ об отрубленной руке

Родился я в Константинополе, мой отец был драгоманом¹⁰ при Порте и вёл, кроме того, довольно выгодную торговлю благовонными эссенциями и шёлковыми материями. Он дал мне хорошее воспитание, частью сам обучая меня, частью отдав меня для обучения одному нашему священнику. Сначала он рассчитывал передать мне со временем свою лавку, но когда я стал оказывать большие способности, чем он ожидал, то по совету своих друзей он решил сделать меня лекарем, так как лекарь, если он научился чему-нибудь большему, чем обыкновенные шарлатаны, может в Константинополе составить себе счастье. В наш дом ходили многие франки¹¹. Один из них уговорил моего отца отпустить меня в его отечество, в город Париж, где таким вещам можно научиться даром и всего лучше. Он обещал, что сам даром возьмёт меня с собой, когда поедет туда. Мой отец, который в молодости тоже путешествовал, согласился, и франк сказал мне, что я могу в течение трёх месяцев готовиться к отъезду. Я был вне себя от радости, что увижу незнакомые страны, и не мог дождаться той минуты, когда мы сядем на корабль.

Наконец франк устроил свои дела и стал готовиться в путь. Накануне отъезда отец повёл меня в свою спальню. Там я увидел прекрасные одежды и оружие, лежавшие на столе. Но что ещё более привлекло мои взоры, это большая куча золота, потому что я никогда ещё не видал его так много.

Отец обнял меня и сказал:

– Вот, сынок, я приготовил тебе для путешествия одежду. Это оружие твоё; оно то самое, которое повесил на меня твой дед, когда я уезжал на чужбину. Я знаю, что ты умеешь владеть им, но никогда не употребляй его, кроме как при нападении, а тогда уж бей сильно! Моё состояние невелико, и я разделил его на три части: одна из них – твоя, вторая пусть будет моим содержанием и обеспечением на чёрный день, а третья пусть будет священным и неприкосновенным достоянием, пусть она послужит тебе в трудную минуту!

Так сказал мой старый отец, и на глазах у него повисли слезы, может быть вследствие предчувствия, потому что я его никогда уж не видал.

Путешествие прошло благополучно. Скоро мы прибыли в страну франков и спустя шесть дней приехали в большой город Париж. Здесь мой франкский друг нанял мне комнату и посоветовал мне осторожно тратить деньги; всего их было две тысячи талеров¹². Я прожил в этом городе три года и научился тому, что должен знать дельный лекарь, но мне пришлось бы солгать, если сказать, что мне было приятно там, потому что нравы этого народа мне не нравились. К тому же у меня там было лишь немного хороших друзей, но всё это были благородные молодые люди.

Моя тоска по родине становилась всё сильнее. За всё это время я ничего не слышал о своём отце и поэтому воспользовался благоприятным случаем приехать домой.

Из страны франков отправлялось к Высокой Порте посольство. Я нанялся лекарем в свиту посла и счастливо опять приехал в Стамбул. Но отцовский дом я нашёл запертым, а соседи, увидев меня, изумились и сказали мне, что мой отец умер два месяца тому назад. Тот священник, который обучал меня в молодости, принёс мне ключ. Я вступил в опустевший дом одиноким и покинутым и всё нашёл ещё так, как оставил мой отец. Недоставало только золота, которое он обещал оставить мне. Я спросил об этом священника, и он поклонившись сказал:

¹⁰ Драгоман – переводчик при посольстве.

¹¹ Так на Востоке называют французов, а иногда и вообще всех жителей Западной Европы.

¹² Талер – крупная серебряная монета (ок. 30 гр.), в XVI–XIX веках играла важную роль в денежном обращении Европы и в международной торговле.

– Ваш отец умер святым человеком, ведь своё золото он завещал церкви!

Это было и осталось непонятным для меня, но что мне было делать! Я не имел никаких свидетелей против священника и должен был радоваться, что он не взглянул на отцовский дом и товары, как на завещанное. Это было первым несчастьем, постигшим меня. Но с этих пор удар следовал за ударом. Моя слава как лекаря совсем не распространялась, потому что я стыдился зазывать к себе и везде мне недоставало рекомендации моего отца. Он ввёл бы меня к самым богатым и знатным, которые теперь уж не думали о бедном Цалейкосе. Увы, товары моего отца не находили сбыта, потому что покупатели после его смерти разбрелись, а новые приобретаются только медленно.

Когда я однажды безутешно размышлял о своём положении, мне пришло в голову, что у франков я часто видал людей нашего народа, которые проезжали по стране и на городских рынках выставляли свои товары. Я вспомнил, что у них охотно покупали, потому что они приезжали из чужих краёв, и что при такой торговле можно наживать во сто раз. Тотчас же было принято решение. Я продал свой отцовский дом, отдал часть вырученных денег испытанному другу на сохранение, а на остальные купил то, что у франков редко встречается: шали, шёлковые материи, мази и масла. Я купил на корабле место и таким образом предпринял второе путешествие в страну франков.

Счастье, казалось, опять стало благосклонно ко мне, лишь только дворцы Дарданелл остались позади меня. Наше путешествие было коротко и благополучно. Я проехал большие и малые города франков и везде находил усердных покупателей на свои товары. Мой друг в Стамбуле снова присылал мне всегда свежие запасы, и я день ото дня становился зажиточнее. Когда я наконец скопил столько, что счёл возможным решиться на большее предприятие, я поехал со своими товарами в Италию. Но я должен ещё кое в чём признаться, что приносило мне тоже немало денег: я помогал себе и своим врачебным искусством. Когда я приезжал в какой-нибудь город, я извещал объявлением, что прибыл греческий врач, который уже многих исцелил. Действительно, мой бальзам и мои лекарства приносили мне много цехинов¹³.

Так я приехал наконец в город Флоренцию в Италии. Я собирался остаться в этом городе подольше, частью потому что он мне очень понравился, частью также потому что хотел отдохнуть от трудов своего скитания. В квартале Santa Croce¹⁴ я нанял себе лавку, а недалеко от неё, в одной гостинице, две прекрасные комнаты, выходившие на балкон, и тотчас же велел разнести свои объявления, извещавшие обо мне как о враче и купце. Едва я открыл лавку, как стали стекаться многочисленные покупатели, и хотя у меня были немного высокие цены, однако я продавал больше других, потому что был услужлив и любезен с покупателями.

Я с удовольствием прожил во Флоренции уже четыре дня, как однажды вечером, когда я уже хотел запирать лавку и только по обыкновению ещё раз решил осмотреть запасы мази в банках, я в одной маленькой банке нашёл записку, которой, как припоминал, не клал туда. Я развернул записку и нашёл в ней приглашение явиться в эту ночь, ровно в двенадцать часов, на мост, который называется Ponte Vecchio¹⁵. Я долго раздумывал о том, кто же это мог быть, кто приглашал меня туда. Но так как я не знал во Флоренции ни одной души, то подумал, что меня хотят, может быть, тайно привести к какому-нибудь больному, что уже часто случалось. Поэтому я решил пойти туда, но из предосторожности надел саблю, которую мне некогда подарил отец.

Когда время подходило близко к полуночи, я отправился в путь и скоро пришёл на Ponte Vecchio. Я нашёл мост покинутым и пустынным и решил ждать, пока не явится тот, кто звал меня. Ночь была холодная; светила ясная луна, и я стал смотреть вниз на волны Арно, далеко

¹³ Цехин – золотая монета, чеканившаяся в Венеции с 1284 года до упразднения Венецианской республики в 1797 году.

¹⁴ Святой крест (*ит.*).

¹⁵ Старый Мост (*ит.*).

блиставшие при лунном свете. Вот на городских церквях пробило двенадцать часов. Я выпрямился – передо мной стоял высокий человек, совершенно закутанный в красный плащ, край которого он держал перед лицом.

Я сначала немного испугался, потому что он так внезапно возник передо мной, но тотчас же опять успокоился и сказал:

– Если вы призывали меня сюда, то говорите, что вам угодно!

Красный Плащ повернулся и медленно сказал:

– Следуй за мной!

Мне стало немного жутко одному идти с этим незнакомцем. Я остановился и сказал:

– О нет, любезный, не угодно ли вам прежде сказать мне куда; нельзя ли вам также немного показать мне своё лицо, чтобы мне видеть – добро ли вы замышляете со мной.

Но Красный Плащ, по-видимому, не обратил на это внимания.

– Если ты не хочешь, Цалейкос, то оставайся! – отвечал он и пошёл дальше.

Тогда я вспыхнул и с гневом воскликнул:

– Вы думаете, что я позволю всякому дураку издеваться надо мной и буду напрасно ждать в эту холодную ночь!

В три прыжка я настиг его, схватил за плащ и закричал ещё громче, положив другую руку на саблю. Но плащ остался у меня в руке, а незнакомец исчез за ближайшим углом. Мой гнев мало-помалу улёгся. У меня был плащ, и он уж должен был дать мне ключ к этому удивительному приключению. Я надел его и пошёл своей дорогой домой. Едва я отошёл на сто шагов, как кто-то проскользнул близко от меня и прошептал на франкском языке:

– Берегитесь, граф, сегодня ночью совсем ничего нельзя сделать.

Но прежде чем я мог оглянуться, этот неизвестный уже пробежал, и я увидел только тень, скользившую по домам. Я понял, что это восклицание относилось к плащу, а не ко мне, однако и оно не объяснило мне дела.

На другое утро я стал обдумывать что делать. Сначала я намеревался объявить о плаще, как будто я его нашёл; но незнакомец мог получить его через третье лицо, и дело тогда не разъяснилось бы. Раздумывая об этом, я стал ближе осматривать плащ. Он был из тяжёлого генуэзского бархата пурпурно-красного цвета, оторочен мехом и богато вышит золотом. Великолепный вид плаща навёл меня на одну мысль, которую я и решил исполнить.

Я принёс его в лавку и выставил на продажу, но назначил за него очень высокую цену. Я был уверен, что не найду покупателя. При этом моею целью было пристально оглядывать каждого, кто спросит этот мех; ведь я среди тысяч узнал бы наружность незнакомца, которую после потери плаща видел хотя лишь мельком, но ясно. Находилось много охотников купить плащ, необыкновенная красота которого привлекала к себе все взоры, но ни один даже отдалённо не походил на незнакомца и ни один не хотел заплатить за плащ высокую цену в двести цехинов. При этом меня поражало, что на мои вопросы тому или другому покупателю, неужели во Флоренции нет другого такого плаща, все отвечали «нет» и уверяли, что никогда не видели такой дорогой и со вкусом сделанной работы.

Наступил уже вечер, когда наконец пришёл молодой человек, уже часто бывавший у меня и даже сегодня много предлагавший за плащ. Он бросил на стол кошелек с цехинами и воскликнул:

– Ей-богу, Цалейкос, я должен иметь твой плащ, хотя бы из-за этого мне пришлось сделаться нищим!

В то же время он начал пересчитывать свои золотые. Я был в большом затруднении, ведь я вывесил плащ только затем, чтобы, может быть, привлечь к нему взоры своего незнакомца, а теперь явился молодой глупец, чтобы заплатить огромную цену. Но что мне оставалось делать? Я уступил, потому что, с другой стороны, мне была приятна мысль так хорошо вознаградить себя за ночное приключение. Юноша надел плащ и пошёл, но на пороге он опять обернулся, сорвал бумагу, прикрепленную к плащу, бросил её мне и сказал:

– Здесь, Цалейкос, что-то висит, что, вероятно, не относится к плащу.

Я равнодушно взял записку, но в ней было написано:

«Сегодня ночью, в известный час, принеси плащ на Ponte Vecchio. Тебя ожидают четыреста цехинов!»

Я стоял как поражённый громом. Итак, я сам потерял своё счастье и совсем не достиг своей цели! Недолго раздумывая я быстро схватил двести цехинов, бросился за тем, кто купил плащ, и сказал:

– Возьмите свои цехины назад, любезный друг, и оставьте мне плащ, мне никак нельзя отдать его.

Сначала он счёл это за шутку. Когда же он заметил, что это серьёзно, то возмутился моим требованием, обругал меня дураком, и вот дело дошло наконец до драки. Но я был так счастлив, что в драке сорвал с него плащ и уже хотел убежать с ним, когда молодой человек позвал на помощь полицию и потащил меня с собою в суд. Судья был очень изумлён его жалобой и присудил плащ моему противнику. Но я стал предлагать юноше двадцать, пятьдесят, восемьдесят, даже сто цехинов сверх его двухсот, если он отдаст мне плащ. Чего не могли сделать мои просьбы, то сделало моё золото. Он взял мои цехины, а я торжествуя ушёл с плащом и должен был допустить, чтобы меня во всей Флоренции сочли за помешанного. Но мнение людей мне было совершенно безразлично, ведь я лучше их знал, что ещё наживу на этой торговле.

Я с нетерпением ожидал ночи. В то же самое время, как вчера, я пошёл, с плащом под мышкой, на Ponte Vecchio. С последним ударом колокола ко мне из мрака подошла какая-то фигура. Это, несомненно, был вчерашний человек.

– У тебя плащ? – спросил он меня.

– Да, господин, – отвечал я, – но он стоил мне сто цехинов наличными.

– Я знаю это, – спокойно сказал он, – смотри, здесь четыреста.

Он подошёл со мной к широким перилам моста и стал отсчитывать золотые. Их было четыреста, они великолепно блестели при лунном свете, и их блеск радовал моё сердце. Увы! Оно не предчувствовало, что это будет его последней радостью. Я сунул деньги в карман и затем хотел хорошенько разглядеть и доброго незнакомца, но у него на лице была маска, из-под которой на меня страшно сверкали тёмные глаза.

– Благодарю вас, господин, за вашу доброту, – сказал я ему, – чего вы теперь потребуете от меня? Но я вам заранее говорю, что это не должно быть чем-нибудь незаконным.

– Излишняя забота, – отвечал он, накинув плащ на плечи. – Мне нужна ваша помощь как врача, но не для живого, а для мёртвого.

– Как это может быть? – воскликнул я с огромным удивлением.

– Я с сестрой приехал из далёких стран, – начал он рассказывать и в то же время сделал мне знак следовать за ним. – Здесь я жил с ней у одного друга моего дома. Вчера моя сестра скоропостижно умерла от болезни, и родственники хотят завтра похоронить её. Но по старинному обычаю нашей семьи все должны покоиться в могиле отцов; многие, умершие в чужой стране, всё-таки были забальзамированы и покоятся там. Поэтому её тело я отдаю своим родственникам, а отцу должен привезти по крайней мере голову его дочери, чтобы ему ещё раз взглянуть на неё.

Хотя этот обычай отрезать головы любимых родственников показался мне немного ужасным, но из опасения оскорбить незнакомца я ничего не решился возразить на это. Поэтому я сказал ему, что хорошо знаком с бальзамированием мёртвых, и попросил его вести меня к умершей. Однако я не мог удержаться, чтобы не спросить, почему же всё это должно произойти так таинственно и ночью. Он отвечал мне, что его родственники, которые считают его намерение ужасным, днём ни за что не допустили бы этого, но раз голова будет отнята, им ничего уж нельзя будет сказать. Он, конечно, мог бы принести мне голову, но естественное чувство удерживает его самому отнять её.

Между тем мы подошли к большому, великолепному дому. Мой спутник указал мне на него, как на цель нашей ночной прогулки. Мы прошли мимо главных ворот дома, вошли в маленькую калитку, которую незнакомец тщательно затворил за собой, и затем в темноте стали подниматься по узкой винтовой лестнице. Она вела в слабо освещённый коридор; из него мы прошли в комнату, освещённую висевшей на потолке лампой.

В этой комнате стояла кровать, на которой лежал труп. Незнакомец отвернул лицо и хотел, по-видимому, скрыть слезы. Он указал на кровать, велел мне хорошо и скоро исполнить своё дело и опять вышел за дверь.

Я вынул нож, который, как врач, всегда носил при себе, и приблизился к кровати. От трупa была видна только голова, но она была так прекрасна, что мною невольно овладело искреннее сожаление. Темные волосы спускались длинными косами, лицо было бледно, глаза закрыты. Сперва я сделал на коже надрез, как это делают врачи, когда отрезают какой-нибудь член. Потом взял самый острый нож и одним взмахом перерезал горло. Но какой ужас! Покойница открыла глаза и тотчас же опять закрыла – она, по-видимому, только теперь с глубоким вздохом испустила дух. В то же время на меня из раны брызнула струя тёплой крови. Я убедился, что умертвил несчастную. Ведь было несомненно, что она умерла, так как от этой раны нет спасения. Несколько минут я стоял в страхе, смущённый происшедшим. Обманул ли меня Красный Плащ или, может быть, сестра была только в летаргическом сне? Последнее казалось мне вероятнее. Но я не смел сказать брату умершей, что, может быть, менее быстрый надрез разбудил бы её не умерщвляя, и поэтому хотел совершенно отделить голову; но умирающая простонала ещё раз, с болезненным движением вытянулась и умерла. Тогда мною овладел ужас и дрожь от него я бросился из комнаты. Но в коридоре было темно, потому что лампа была погашена. От моего спутника уж не было и следов, и я должен был в темноте наугад пробираться около стены, чтобы дойти до лестницы. Наконец я нашёл её и то падая, то скользя спустился вниз. И внизу никого не было, дверь была только притворена. Я вздохнул свободнее, когда оказался на улице, – ведь в доме мне стало совсем страшно. Пришпориваемый страхом, я побежал в своё жилище и зарылся в подушки постели, чтобы забыть то ужасное, что я сделал. Но сон бежал от меня и только утром я опять приободрился и успокоился. Мне казалось невероятным, что человек, склонивший меня на этот нечестивый поступок, каким он представлялся мне теперь, выдаст меня. Я решил тотчас же идти в лавку к своему делу и принять, насколько возможно, беззаботный вид. Но увы! Новое обстоятельство, которое я только теперь заметил, ещё увеличило моё горе. У меня не хватало шапки и пояса, а также ножа. Я не знал наверно, оставил ли я их в комнате убитой или же потерял во время своего бегства. К сожалению, первое казалось мне более вероятным и, следовательно, меня, убийцу, могли найти.

В обычное время я открыл свою лавку. Ко мне подошёл мой сосед, как он обыкновенно делал это каждое утро, потому что был разговорчивым человеком.

– Эй, что вы скажете об ужасном происшествии, – начал он, – случившемся сегодня ночью?

Я сделал вид, будто ничего не знаю.

– Как, неужели вы не знаете того, чем занят весь город? Не знаете, что прекраснейший цветок Флоренции, дочь губернатора Бианка убита в эту ночь? Ах, я видел, как ещё вчера она такой весёлой проезжала со своим женихом по улицам; ведь сегодня у них была бы свадьба!

Каждое слово соседа кололо меня в сердце. И как часто повторялась моя попытка – ведь каждый покупатель рассказывал мне это происшествие и всегда один ужаснее другого, однако никто не мог рассказать так ужасно, как я сам видел. Около полудня в лавку вошёл полицейский и попросил меня удалить людей.

– Синьор Цалейкос, – сказал он, вынимая вещи, которых я хватился, – эти вещи вам принадлежат?

Я подумал, не отречься ли мне от них; но увидев через полуоткрытую дверь своего хозяина и нескольких знакомых, которые могли, пожалуй, свидетельствовать против меня, я решил не ухудшать дела ещё ложью и признал показанные мне вещи. Полицейский попросил меня следовать за ним и привёл меня в большое здание, в котором я скоро узнал тюрьму. Там он указал мне место заключения до суда.

Моё положение было ужасно, когда я в уединении стал раздумывать о нём. Мысль, что я убил, хотя и невольно, всё возвращалась. При этом я не мог скрыть от себя, что блеск золота омрачил мои чувства: иначе я не мог бы так слепо пойти в ловушку. Через два часа после ареста меня вывели из тюрьмы. Мы спустились по нескольким лестницам и затем пришли в большую залу. Там около длинного стола, покрытого черным сукном, сидели двенадцать человек, большей частью старики. По бокам залы возвышались скамьи, наполненные знатнейшими лицами Флоренции. На галереях, пристроенных вверху, густой толпой стояли зрители. Когда я подошёл к чёрному столу, поднялся человек с мрачным, печальным лицом. Это был губернатор. Он сказал собравшимся, что, как отец, он не может судить в этом деле и на этот раз уступает своё место старейшему из сенаторов. Старейший из сенаторов был по крайней мере девяноста лет. Он стоял сторбившись, его виски были покрыты тонкими белыми волосами, но глаза ещё пылали огнём, а голос был силен и твёрд. Он стал спрашивать меня, сознаюсь ли я в убийстве. Я попросил его выслушать меня и без страха и внятным голосом рассказал то, что сделал и что знал. Я заметил, что губернатор во время моего рассказа то бледнел, то краснел, а когда я кончил, он с бешенством вскочил.

– Как, несчастный! – крикнул он мне. – Так ты ещё хочешь свалить на другого преступление, которое совершил из алчности?

Сенатор упрекнул его за это вмешательство, так как он добровольно отказался от своего права. Притом совсем не доказано, что я совершил злодеяние из алчности, ведь и по его собственному показанию у убитой ничего не было украдено. Мало того, сенатор пошёл ещё дальше. Он объявил губернатору, что он должен дать отчёт о прежней жизни своей дочери; ведь только таким образом можно решить, правду ли я сказал или нет. Вместе с тем он на сегодня отменил суд, чтобы познакомиться, как он сказал, с бумагами умершей, которые ему передаст губернатор. Я был опять отведён в тюрьму, где печально провёл день, весь поглощённый горячим желанием, чтобы открылась хоть какая-нибудь связь между умершей и таинственным Красным Плащом.

На другой день я с надеждой вошёл в зал суда. На столе лежали несколько писем. Старый сенатор спросил меня, мой ли это почерк. Я посмотрел на письма и нашёл, что они, должно быть, написаны той же рукой, как те две записки, которые я получил. Я высказал это сенаторам, но они, по-видимому, не обратили на это внимания и отвечали, что я мог написать и, должно

быть, написал то и другое, потому что подпись на письмах, несомненно, Ц, начальная буква моего имени. А письма содержали угрозы умершей и всячески предостерегали её от свадьбы, к которой она готовилась.

По-видимому, губернатор дал странные объяснения относительно моей личности, потому что с этого дня со мной стали обращаться недоверчивее и строже. В своё оправдание я сослался на бумаги, которые должны оказаться в моей комнате, но мне сказали, что там искали и ничего не нашли. Таким образом, в конце этого судебного дня у меня исчезла всякая надежда, и когда я на третий день был опять приведён в зал суда, мне прочли приговор, по которому я, уличённый в умышленном убийстве, был присуждён к смерти.

Так вот до чего я дошёл! Покинутый всем, что мне было ещё дорого на земле, вдали от родины, я во цвете лет должен был невинно умереть под топором!

Вечером этого ужасного дня, решившего мою участь, я одиноко сидел в тюрьме. Мои надежды погибли, мои грустные мысли были обращены к смерти. Вдруг дверь моей тюрьмы отворилась, и вошёл человек, который долго молча смотрел на меня.

– Так я опять встречаю тебя, Цалейкос? – сказал он.

При тусклом свете своей лампы я не узнал его, но звук его голоса пробудил во мне старые воспоминания. Это был Валетти, один из тех немногих друзей, которых я знал в городе Париже во время своих занятий. Он сказал, что случайно приехал во Флоренцию, где его отец живёт знатным человеком, услышал о моей истории и пришёл, чтобы ещё раз увидеть меня и от меня самого узнать, как я мог так тяжело провиниться. Я рассказал ему всю историю. Он, казалось, очень удивился ей и заклинал меня всё сказать ему, своему единственному другу, и не покидать этот свет с ложью. Я поклялся ему самой дорогой для меня клятвой, что сказал правду и что надо мной не тяготеет никакой другой вины, кроме той, что, ослеплённый блеском золота, я не постиг неправдоподобности рассказа незнакомца.

– Так ты не знал Бианки? – спросил он.

Я уверял его, что никогда не видел её. Тогда Валетти стал рассказывать мне, что в этом деле есть глубокая тайна, что губернатор очень поспешно произнёс надо мной приговор, а в народе появился слух, что я уже давно знал Бианку и умертвил её из мести за её брак с другим. Я заметил ему, что всё это соответствует Красному Плащу, но я ничем не могу доказать его участие в этом деле. Валетти рыдая обнял меня и обещал мне сделать всё, чтобы по крайней мере спасти мою жизнь. У меня было мало надежды, но я знал, что Валетти умный и сведуший в законах человек и что он сделает всё, чтобы спасти меня.

Два долгих дня я был в неизвестности. Наконец явился и Валетти.

– Я приношу утешение, хотя и печальное. Ты будешь жив и будешь свободен, но потеряешь руку.

Тронутый этим, я благодарил друга за свою жизнь. Он сказал мне, что губернатор был неумолим и не позволил снова расследовать дело, но чтобы не показаться несправедливым, он согласился наконец сообразовать моё наказание с наказанием, постановленным в книгах флорентийской истории, если в них найдётся подобный случай. Тогда Валетти и его отец стали день и ночь читать старые книги и наконец нашли случай, вполне подобный моему. В книгах приговор гласит: ему должно отрубить левую руку, отобрать его имущество, а самого его навсегда изгнать. Таково теперь и моё наказание, и я должен готовиться к тому мучительному часу, который ожидает меня.

Я не стану изображать вам этот ужасный час, когда я на открытой площади положил на плаху свою руку, когда моя собственная кровь ручьём полилась на меня!

Валетти принял меня в свой дом, пока я не выздоровел, а потом великодушно снабдил меня деньгами на дорогу; ведь всё, что я приобрёл себе с таким трудом, стало добычей суда. Из Флоренции я поехал на Сицилию, а оттуда с первым кораблём, который застал, в Константинополь. Мои надежды были обращены на ту сумму, которую я передал своему другу, причём

я просил его позволить мне жить у него. Как я изумился, когда он спросил меня, почему же я не еду в свой дом! Он сказал мне, что какой-то иностранец купил на моё имя дом в греческом квартале и при этом говорил соседям, что скоро и я сам приеду. Я тотчас же вместе с другом пошёл туда и был с радостью принят всеми старыми знакомыми. Старый купец дал мне письмо, которое оставил у него человек, купивший для меня дом.

Я стал читать его:

«Цалейкос! Две руки готовы неутомимо хлопотать, чтобы ты не чувствовал потери одной! Дом, который ты видишь, и всё, что есть в нём, – твоё. Тебе ежегодно будут доставлять столько, что среди своего народа ты будешь принадлежать к богатым. Да простишь ты тому, кто несчастнее тебя!»

Я мог предполагать, кто написал это, а купец на мой вопрос сказал мне, что этого человека он принял за франка и что он был одет в красный плащ. Я узнал достаточно и сознался, что незнакомец, должно быть, не вполне всё-таки лишён благородства. В моем новом доме всё было устроено наилучшим образом, даже был подвал с лучшими товарами, чем я когда-либо имел. С тех пор прошло десять лет; больше по старой привычке, чем по необходимости, я продолжаю свои торговые поездки, но той страны, где я стал таким несчастным, я никогда уж не видал. С тех пор я каждый год получал тысячу золотых; но хотя мне и отрадно сознавать, что тот несчастный благороден, однако он не может искупить скорбь моей души, потому что во мне вечно живёт ужасный образ убитой Бианки.

* * *

Цалейкос, греческий купец, окончил свой рассказ. Остальные с большим участием слушали его; особенно, казалось, был тронут им незнакомец. Он несколько раз глубоко вздыхал, а Мулею показалось даже, что раз у него на глазах были слезы. Они ещё долго беседовали об этой истории.

– И вы не проклинаете того неизвестного, который так гнусно лишил вас столь благородного члена вашего тела, который даже подверг опасности вашу жизнь? – спросил незнакомец.

– Конечно, прежде были минуты, – отвечал грек, – когда моё сердце обвиняло его перед Богом, за то что он навлёк на меня это горе и отравил мою жизнь, но я находил утешение в вере отцов, а она повелевает мне любить своих врагов; притом он, может быть, ещё несчастнее меня.

– Вы благородный человек! – воскликнул тронутый незнакомец и пожал греку руку.

Но начальник стражи прервал их беседу. Он с озабоченным видом вошёл в палатку и сообщил, что здесь не следует отдыхать, потому что в этом месте караваны обыкновенно подвергаются нападению и его стражам даже кажется, что вдали видны несколько всадников.

Купцы были очень смущены этим известием, а незнакомец Селим удивился их смущению, заметив, что при такой хорошей защите им нечего бояться шайки разбойничьих арабов.

– Да, господин, – возразил ему начальник стражи. – Если бы это был только такой сброд, то можно было бы без опасения лечь отдохнуть, но с некоторого времени опять появимся страшный Орбазан, и поэтому следует быть осторожнее.

Незнакомец спросил, кто же этот Орбазан, и Ахмет, старый купец, отвечал ему:

– Среди народа существуют разные сказания об этом удивительном человеке. Одни считают его сверхчеловеческим существом, потому что он часто выдерживает борьбу с пятью-шестью воинами сразу, другие считают его храбрым франком, которого в эту страну привело несчастье; но прежде всего верно только то, что он проклятый разбойник и вор.

– Этого вы не можете утверждать, – возразил ему Леза, один из купцов. – Хотя он и разбойник, но он всё-таки благородный человек. Таким он показал себя моему брату, и этот

пример я мог бы рассказать вам. Всю свою шайку он сделал порядочными людьми, и пока он рыщет по пустыне, не смеет показаться никакая другая шайка. Притом он не грабит, как другие, а берет только деньги за охрану караванов, и кто добровольно заплатил ему, тот едет дальше благополучно, потому что Орбазан – господин пустыни.

Так говорили между собой в палатке путники, а стража, расставленная вокруг места привала, начала беспокоиться. На расстоянии получаса показалась довольно значительная кучка вооружённых всадников; они ехали, по-видимому, прямо к лагерю. Поэтому один из людей стражи пошёл в палатку известить, что они, вероятно, подвергнутся нападению. Купцы стали совещаться между собой, что им делать: идти ли навстречу всадникам или подождать нападения.

Ахмет и двое старших купцов желали последнего, а пылкий Мулей и Цалейкос требовали первого и призывали к себе на помощь незнакомца. Он же спокойно вынул из-за пояса маленький голубой платок с красными звёздами, привязал его к копыю и велел одному из рабов воткнуть копьё над палаткой. Он ручается своей жизнью, говорил он, что, увидев этот знак, всадники спокойно проедут мимо. Мулей не верил в успех, но раб воткнул копьё над палаткой. Между тем все находившиеся в лагере взялись за оружие и с напряжённым ожиданием смотрели на всадников. Но последние заметили, по-видимому, знак над палаткой; они сразу свернули со своего направления к лагерю и, сделав большой полукруг, пронеслись в стороне.

Удивлённые путники несколько мгновений стояли и смотрели то на всадников, то на незнакомца. А он равнодушно, как будто ничего не произошло, стоял перед палаткой и смотрел на равнину. Наконец Мулей прервал молчание.

– Кто ты, могущественный незнакомец, – воскликнул он, – ты, который знаком укрощает дикие орды пустыни?

– Вы считаете моё искусство выше, чем оно есть, – отвечал Селим Барух. – Я запасся этим знаком, когда убежал из плена, а что он должен показывать – я сам не знаю. Знаю только то, что путешествующий с этим знаком находится под могущественной защитой.

Купцы благодарили незнакомца и называли его своим спасителем. Действительно, число всадников было так велико, что караван, вероятно, не смог бы оказать сопротивление.

Теперь они с облегчённым сердцем улеглись отдыхать; когда же солнце стало заходить и по песчаной равнине пронёсся вечерний ветер, они выступили в путь и поехали дальше.

На следующий день они сделали привал на расстоянии одного дня пути от конца пустыни. Когда путники опять собрались в большой палатке, купец Леза заговорил:

– Я вчера сказал вам, что страшный Орбазан – благородный человек; позвольте мне сегодня доказать вам это рассказом о приключениях моего брата. Мой отец жил в Акаре. У него были трое детей. Я был самым старшим, брат и сестра было гораздо моложе меня. Когда мне было двадцать лет, брат моего отца призвал меня к себе. Он назначил меня наследником своего имущества с условием, чтобы я оставался при нём до его смерти. Но он достиг глубокой старости, так что я только два года тому назад вернулся на родину и ничего не знал о том, какая ужасная судьба постигла мой дом и как милостивый Аллах отвратил её.

Спасение Фатьмы

Мой брат Мустафа и моя сестра Фатьма были почти одинакового возраста. Брат был старше самое большее двумя годами. Они искренне любили друг друга и вместе содействовали всему, что могло облегчить нашему болезненному отцу тяжесть его старости. Когда Фатьме исполнилось шестнадцать лет, брат в день её рождения устроил празднество. Он пригласил всех её подруг, угостил их в отцовском саду изысканными кушаньями, а когда наступил вечер, пригласил их немного проехаться по морю на лодке, которую он нанял и по-праздничному украсил. Фатьма и её подруги с радостью согласились, потому что вечер был прекрасный, и город, особенно вечером, если смотреть с моря, представлял великолепный вид. Но девушкам так понравилось в лодке, что они уговаривали моего брата ехать всё дальше в море. Мустафа же неохотно соглашался, потому что несколько дней тому назад показался разбойничий корабль.

Недалеко от города в море выдавался мыс. Девушки захотели проехать и туда, чтобы посмотреть оттуда закат солнца в море. Огибая мыс, они на незначительном расстоянии от себя увидели лодку, занятую вооружёнными людьми. Не предчувствуя ничего хорошего, мой брат велел гребцам повернуть своё судно и грести к берегу. Действительно, его опасение, по-видимому, подтверждалось, потому что та лодка быстро последовала за лодкой моего брата, обогнала её, так как на ней было больше гребцов, и всё время держалась между берегом и нашей лодкой. Осознав опасность, в которой они находились, девушки стали вскакивать, кричать и плакать. Мустафа напрасно старался успокоить их, напрасно уговаривал их сидеть смирно, потому что своей беготней взад и вперёд они подвергали лодку опасности опрокинуться. Ничто не помогало, и когда они наконец, при приближении другой лодки, все бросились на заднюю сторону судна, оно опрокинулось. А между тем с берега наблюдали за движениями незнакомой лодки, и так как уже некоторое время опасались корсаров, то это судно возбудило подозрение и несколько лодок отчалили от берега на защиту нашей лодки. Но они прибыли только-только вовремя, чтобы подобрать утопавших. В суматохе неприятельское судно ускользнуло, а на обеих лодках, которые приняли спасённых, было неизвестно, все ли спасены. Сошлись и – увы! Оказалось, что моей сестры и одной из её подруг не было; но в то же время в одной из лодок заметили какого-то неизвестного человека. На угрозы Мустафы он признался, что принадлежит к неприятельскому кораблю, который стоит на якоре в двух милях к востоку, и что его товарищи во время своего поспешного бегства покинули его, когда он собирался помогать вытаскивать из воды девушек. Он сказал также, что видел, как двух из девушек втащили на корабль.

Скорбь моего старого отца была безгранична, но и Мустафа был до смерти огорчён, не только потому что пропала его любимая сестра и что в её несчастье он обвинял себя, – та подруга Фатьмы, которая поделила её несчастье, была своими родителями обещана ему в супруги, и только нашему отцу он ещё не смел признаться в этом, потому что её родители были бедны и низкого происхождения. А мой отец был строгий человек. Когда его скорбь немного улеглась, он позвал к себе Мустафу и сказал ему:

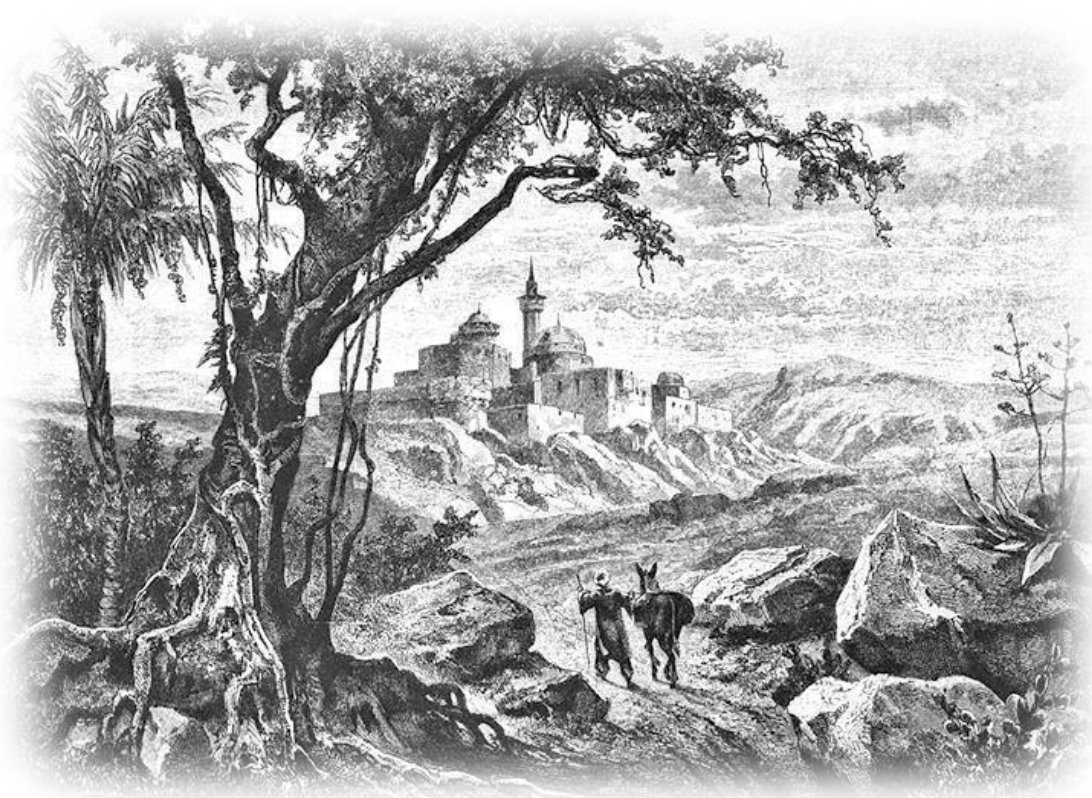
– Твоя глупость лишила меня утешения моей старости и радости моих очей. Уходи, я навеки прогоняю тебя с глаз долой. Я проклиная тебя и твоих потомков, и только когда ты возвратишь мне Фатьму, я сниму с твоей головы отцовское проклятие!

Этого мой бедный брат не ожидал; он уже раньше решил отыскать свою сестру и её подругу и только хотел испросить себе для этого благословения отца, а теперь отец посылал его по свету с проклятием. Но если прежде горе удручало его, то теперь его мужество только укрепило то полное несчастье, которого он не заслуживал.

Он пошёл к пленному морскому разбойнику, расспросил его, куда лежал путь его корабля, и узнал, что разбойники вели торговлю рабами и обыкновенно много торговали в Бальсоре.

Когда он вернулся домой, чтобы приготовить в путь, гнев отца, по-видимому, немного прошёл, потому что он прислал сыну кошелёк с золотом для поддержки во время пути. Мустафа плача простился с родителями Зораиды – так звали его похищенную невесту – и отправился в Бальсору.

Мустафа поехал сухим путём, потому что из нашего маленького города в Бальсору совсем не ходили корабли. Поэтому он должен был проезжать в день очень много, чтобы прибыть в Бальсору вскоре после морских разбойников. Так как у него был добрый конь и не было никакой поклажи, то он мог надеяться достигнуть этого города в конце шестого дня. Но вечером на четвёртый день, когда он совершенно один ехал своей дорогой, на него вдруг напали три человека. Заметив, что они хорошо вооружены и сильны и что они покушаются скорее на его жизнь, чем на деньги и коня, он крикнул им, что сдаётся. Они сошли с лошадей и связали ему ноги под брюхом его лошади, а самого его взяли в середину и, схватив поводья его коня, рысью поехали вместе с ним не говоря ни слова.

Мустафа предался немому отчаянию. Отцовское проклятие, по-видимому, уже теперь исполнялось над несчастным, и как он мог надеяться спасти свою сестру и Зораиду, если, лишённый всех средств, он мог употребить для их освобождения только свою жалкую жизнь. Проехав около часа Мустафа и его немые спутники свернули в небольшую долину. Долина была окаймлена высокими деревьями; мягкий темно-зелёный луг и ручей, протекавший посредине его, манили к отдыху. Действительно, Мустафа увидел пятнадцать – двадцать раскинутых там палаток. К колышкам палаток были привязаны верблюды и красивые лошади, а из одной палатки раздавалась весёлая мелодия цитры и двух прекрасных мужских голосов. Моему брату показалось, что люди, выбравшие себе для лагеря такое весёлое местечко, не могут замышлять

против него никакого зла, и поэтому он без боязни последовал призыву своих проводников, которые, развязав его верёвки, сделали ему знак сойти с лошади.

Его привели в палатку; она была больше остальных и внутри красиво, почти изящно убрана. Великолепные вышитые золотом подушки, тканые ковры и позолоченные курильницы где-нибудь в другом месте указывали бы на богатство и довольство, а здесь они казались только смелой добычей. На одной из подушек сидел старый, маленький человек; у него было безобразное лицо, смуглая и блестящая кожа, а неприятная черта злобной хитрости в глазах и рот делали его вид противным. Хотя этот человек старался придать себе некоторую важность, однако Мустафа скоро заметил, что не для него палатка так богато украшена, а разговор его проводников подтверждал, по-видимому, его замечание.

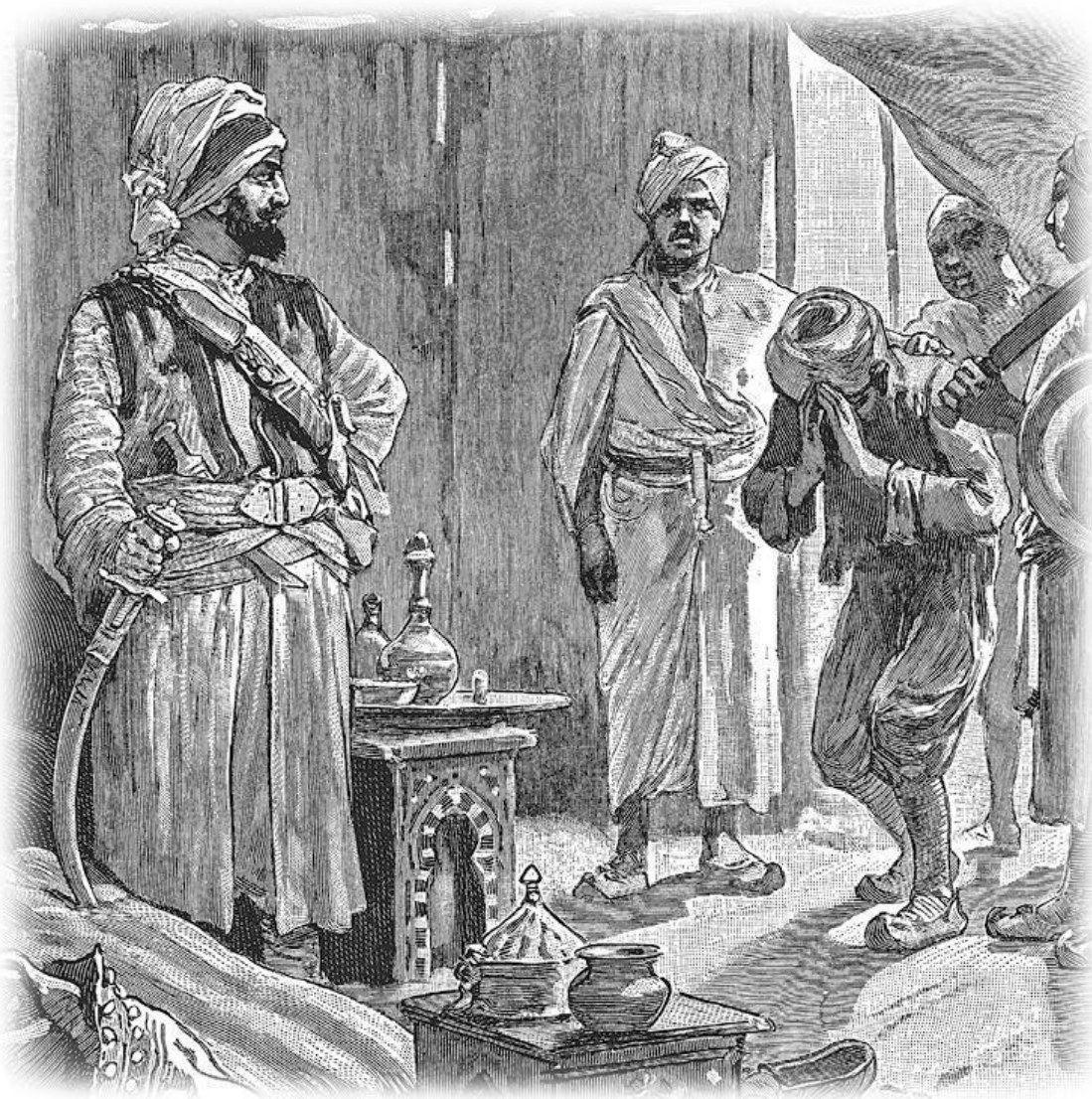
– Где атаман? – спросили они у карлика.

– На маленькой охоте, – отвечал он, – но он поручил мне занимать его место.

– Это он не умно сделал, – возразил один из разбойников, – потому что скоро надо решить: умереть ли этой собаке или заплатить выкуп, а это атаман знает лучше тебя.

Маленький человек с сознанием своего достоинства встал и вытянулся, чтобы концом руки достать ухо своего противника, потому что, по-видимому, хотел отомстить ему ударом; но увидев, что его усилие бесплодно, он начал браниться (правда, и другие не оставались у него в долгу), так что палатка задрожала от их спора. Вдруг дверь палатки растворилась и вошёл высокий, статный человек, молодой и прекрасный, как персидский принц. Его одежда и оружие, кроме богато украшенного кинжала и блестящей сабли, было скромно и просто, но его строгий взор, вся его наружность внушали уважение, не возбуждая страха.

– Кто это смеет затевать спор в моей палатке? – крикнул он перепугавшимся разбойникам.

Некоторое время в палатке царил глубокая тишина. Наконец один из тех, которые привели Мустафу, рассказал, как это произошло. Тогда лицо атамана, казалось, покраснело от гнева.

– Когда это я сажал тебя на своё место, презренный Гассан? – страшным голосом крикнул он.

Карлик съёжился от страха, так что стал казаться ещё гораздо меньше, чем прежде, и скользнул к двери палатки. Достаточно было одного удара ногою, чтобы он большим странным прыжком вылетел за дверь.

Когда карлик исчез, три человека подвели Мустафу к хозяину палатки, который между тем лёг на подушки.

– Вот мы привели того, кого ты приказал нам поймать.

Атаман долго смотрел на пойманного и затем сказал:

– Зулиейский паша!¹⁶ Твоя собственная совесть скажет тебе, почему ты стоишь перед Орбазаном.

Услыхав это, мой брат бросился перед ним на колени и отвечал:

¹⁶ Паша́ (сокр. от *перс.* «падишах») – верховный правитель, титул высших военных чинов; примерно равен генералу.

– Господин! Ты, кажется, ошибаешься. Я бедный неудачник, а не паша, которого ты ищешь!

Все в палатке были изумлены этой речью. Но хозяин сказал:

– Тебе мало может помочь твоё притворство, потому что я приведу к тебе людей, которые хорошо знают тебя.

Он велел привести Зулейму. В палатку привели старую женщину, которая на вопрос, не узнает ли она в моем брате зулиейкского пашу, отвечала:

– Конечно! Клянусь могилой Пророка, это паша, а никто другой.

– Видишь, негодный, как не удалась твоя малодушная хитрость? – гневно заговорил атаман. – Ты для меня слишком жалок, чтобы я испачкал твоей кровью свой хороший кинжал; но завтра, когда взойдёт солнце, я привяжу тебя к хвосту своего коня и буду скакать с тобой по лесам, до тех пор, пока оно не скроется за холмы Зулиейка!

Тогда мой бедный брат упал духом.

– Это проклятие моего жестокого отца подвергает меня позорной смерти! – воскликнул он плача. – И ты погибла, милая сестра, и ты, Зораида!

– Твоё притворство не поможет тебе, – сказал один из разбойников, связывая ему за спину руки. – Убирайся из палатки, потому что атаман кусает себе губы и посматривает на свой кинжал. Если ты хочешь прожить ещё одну ночь, то уходи!

Когда разбойники собрались увести моего брата из палатки, они встретили трёх других, которые гнали перед собою пленника. Они вошли вместе с ним.

– Вот мы привели пашу, как ты велел нам! – сказали они и подвели пленника к подушке атамана.

Когда пленника вели, мой брат имел случай рассмотреть его и сам поразился сходством между собой и этим человеком; только лицо у того было смуглее и борода чернее. Атаман, по-видимому, был очень изумлён появлением второго пленника.

– Кто же из вас настоящий? – спросил он, смотря то на моего брата, то на другого человека.

– Если ты подразумеваешь зулиейкского пашу, – отвечал гордым тоном пленник, – то это я!

Атаман долго смотрел на него своим строгим, страшным взглядом, а затем молча сделал знак увести пашу. После этого он подошёл к моему брату, разрезал кинжалом его верёвки и сделал ему знак сесть к нему на подушку.

– Мне жаль, незнакомец, – сказал он, – что я принял тебя за того негодяя; но припиши это непостижимой воле неба, которая привела тебя в руки моих братьев именно в час, предназначенный для гибели того нечестивца.

Мой брат стал просить у него одной-единственной милости – тотчас же позволить ему опять ехать дальше, потому что всякое промедление может сделаться для него гибельным. Атаман осведомился о его спешных делах, и когда Мустафа всё рассказал ему, он стал уговаривать брата остаться на эту ночь в его палатке: он и его конь нуждаются в отдыхе, а на следующий день он покажет ему дорогу, которая в полтора дня приведёт его в Бальсору. Мой брат согласился, был прекрасно угощён и до утра спокойно спал в палатке разбойника.

Проснувшись, Мустафа увидел, что он совершенно один в палатке, но за занавесом палатки он услышал голоса, которые принадлежали, по-видимому, хозяину палатки и маленькому смуглому человеку. Он немного прислушался и к своему великому ужасу услышал, что карлик настоятельно предлагает другому умертвить незнакомца, потому что он может всех выдать, если будет освобождён.

Мустафа тотчас заметил, что карлик ненавидит его; ведь он был причиной того, что вчера с карликом так дурно обошлись. Атаман, по-видимому, несколько минут раздумывал.

– Нет, – сказал он, – он мой гость, а право гостеприимства для меня священо, к тому он не похож на того, кто может выдать нас.

Сказав так, он откинул занавес и вошёл.

– Да будет с тобою мир, Мустафа! – сказал он. – Давай отведаем утреннего напитка, а потом готовься к отъезду!

Он подал моему брату чашу с шербетом. Напившись, они взнуздали лошадей, и поистине с облегчённым сердцем вскочил Мустафа на лошадь. Скоро они оставили палатки позади себя, а затем направились по широкой тропинке, которая вела в лес. Атаман рассказал моему брату, что тот паша, которого они поймали на охоте, обещал им терпеть их в своей области и не причинять им вреда; но несколько недель тому назад он поймал одного из их самых храбрых людей и после ужаснейших мучений велел повесить. Он долго подстерегал пашу, и уже сегодня паша должен умереть. Мустафа не смел ничего возразить на это: он был рад, что сам ушёл невредимым.

В конце леса атаман остановил лошадь, подробно описал моему брату дорогу, пожал ему на прощание руку и сказал:

– Мустафа, ты странным образом сделался гостем разбойника Орбазана. Я не хочу требовать у тебя не выдавать того, что ты видел и слышал. Ты несправедливо испытал страх смерти, и я должен вознаградить тебя. Возьми на память этот кинжал! Если тебе нужна будет помощь, то приходи его мне, и я поспешу помочь тебе. А этот кошелёк, может быть, пригодится тебе в пути.

Мой брат поблагодарил его за великодушие и взял кинжал, но от кошелька отказался. Орбазан ещё раз пожал ему руку, бросил кошелёк на землю и с быстротой вихря помчался в лес. Когда Мустафа увидел, что ему уж не догнать разбойника, он слез, чтобы поднять кошелёк, и испугался большого великодушия своего гостеприимного друга, так как кошелёк содержал много золота. Он поблагодарил Аллаха за своё спасение, поручил его милости благородного разбойника и затем весело поехал дальше по дороге в Бальсору.

Здесь Леза замолчал и вопросительно посмотрел на старого купца Ахмета.

– Нет, если это так, – сказал последний, – то я охотно исправлю своё суждение об Орбазане. Правда, с твоим братом он поступил прекрасно!

– Он поступил как честный мусульманин! – воскликнул Мулей. – Но я надеюсь, что этим ты не кончил своего рассказа; ведь, как мне кажется, мы все желаем слушать дальше, что случилось с твоим братом и освободил ли он твою сестру Фатьму и прекрасную Зораиду!

– Если это вам не надоедает, то я охотно расскажу дальше, – сказал Леза, – потому что история моего брата действительно полна приключений и вообще чудесна.

В полдень на седьмой день после отъезда Мустафа въехал в ворота Бальсоры. Только что остановившись в караван-сараяе он спросил, когда начнётся торг рабами, который здесь происходит ежегодно. Но он получил ужасный ответ, что опоздал на два дня. Его опозданию выразили сожаление и рассказали ему, что он много потерял, потому что ещё в последний день торговли прибыли две рабыни такой великой красоты, что привлекли к себе взоры всех покупателей. Из-за них порядком спорили и бились, и они, конечно, были проданы, притом за какую-то столь высокую цену, что её не мог испугаться только их теперешний господин. Мустафа подробнее осведомился о рабынях, и у него не оставалось никакого сомнения, что это те несчастные, которых он ищет. Он узнал также, что человек, купивший их обеих, живёт от Бальсоры на расстоянии сорока часов езды, что его зовут Тиули-Кос, что это знатный, богатый,

но уже пожилой человек, который раньше был капудан-пашой¹⁷ султана, а теперь со своими накопленными богатствами удалился на покой.

Сначала Мустафа хотел тотчас же опять сесть на лошадь, чтобы поспешить вслед за Тиули-Косом, который мог быть впереди его только на один день. Но сообразив, что он один ведь ничего не может сделать могущественному путешественнику и ещё меньше может отнять у него добычу, он стал придумывать другой план и скоро нашёл его. Сходство с зулейкским пашой, которое едва не стало так опасно для него, навело его на мысль отправиться под этим именем в дом Тиули-Коса и таким образом решиться на попытку спасти обеих несчастных девушек. Поэтому он нанял нескольких слуг с лошадьми, в чём ему отличногодились деньги Орбазана, закупил для себя и своих слуг великолепные одежды и отправился в путь к замку Тиули.

Через пять дней Мустафа приехал к этому замку. Он лежал на прекрасной равнине и был окружён кольцом высоких стен, над которыми здания возвышались лишь очень мало. Прибыв туда, Мустафа выкрасил волосы и бороду в чёрный цвет, а лицо вымазал соком какого-то растения, который придал ему смуглый цвет, совершенно такой, как у того паши. Затем он послал одного из своих слуг в замок и велел от имени зулейкского паши просить ночлега. Скоро слуга вернулся и с ним четверо прекрасно одетых рабов, которые взяли лошадь Мустафы под уздцы и повели во двор замка. Там они помогли самому ему сойти с лошади, а четверо других рабов повели его по широкой мраморной лестнице к Тиули.

Тиули, старый весельчак, принял моего брата почтительно и велел подать ему самое лучшее, что мог приготовить его повар. После обеда Мустафа мало-помалу перевёл разговор на новых рабынь, и Тиули стал расхваливать их красоту и сожалел только, что они всегда так печальны, но думал, что это скоро пройдёт. Мой брат был очень доволен этим приёмом и лёг отдыхать с прекраснейшими надеждами.

Он проспал, вероятно, около часа, когда его разбудил свет лампы, который ослепительно падал в глаза. Приподнявшись, он подумал, что ещё видит сон, потому что перед ним стоял с лампой в руке тот маленький смуглый человек из палатки Орбазана. Его широкий рот был искривлён отвратительной улыбкой. Мустафа ущипнул себя за руку, дёрнул за нос, чтобы убедиться, проснулся ли он, но видение по-прежнему оставалось.

– Чего тебе надо у моей постели? – воскликнул Мустафа, опомнившись от своего изумления.

– Не беспокойтесь же так, господин! – сказал карлик. – Я отлично догадался, ради чего вы приехали сюда, притом мне было ещё очень памятно ваше почтенное лицо; но право, если бы я собственными руками не помогал вешать пашу, то вы, может быть, обманули бы и меня. А теперь я здесь затем, чтобы предложить вам один вопрос.

– Прежде всего скажи, как ты попал сюда, – возразил ему Мустафа, взбешённый тем, что его так быстро узнали.

– Это я скажу вам, – отвечал карлик. – Я не мог дольше ладить с атаманом, почему и бежал; а собственно, ты, Мустафа, был причиной нашей ссоры. За это ты должен дать мне в жёны свою сестру, а я помогу вам убежать; если ты не отдашь её, то я пойду к своему новому господину и кое-что расскажу ему о новом паше.

Мустафа был вне себя от ужаса и бешенства. Теперь, когда он уверенно считал себя у цели своих желаний, суждено было явиться этому несчастному и разрушить их. Было только одно средство, которое могло спасти его план: он должен был убить маленькое страшилище. Поэтому он одним прыжком бросился с кровати на карлика, но последний, вероятно предчувствуя нечто подобное, уронил лампу, так что она погасла, и в темноте отскочил, убийственно закричав о помощи.

¹⁷ Капудан-паша – титул главнокомандующего османским флотом.

Теперь Мустафа находился в затруднительном положении. В эту минуту он должен был отказаться от девушек и думать только о собственном спасении, поэтому он подошёл к окну, чтобы посмотреть, нельзя ли ему убежать. До земли было довольно далеко, а на другой стороне стояла высокая стена, которую нужно было перелезть. Он в раздумье стоял у окна, когда услышал множество голосов, приближающихся к его комнате. Они были уже у двери, когда он в отчаянии схватил свой кинжал и одежду и выбросился в окно. Падение было жестоко, но он чувствовал, что ничего не сломал. Поэтому он вскочил и побежал к стене, которая окружала двор, поднялся, к изумлению своих преследователей, наверх и скоро очутился на свободе.

Он бежал, пока не достиг небольшого леса, где в изнеможении бросился на землю. Здесь он стал обдумывать, что делать. Своих лошадей и слуг он должен был оставить, но деньги, которые носил в поясе, спас. Его изобретательная голова скоро указала ему другой путь к спасению. Он пошёл по лесу дальше, пока не пришёл к деревне, где за ничтожную цену купил лошадь, которая скоро привезла его в город. Там он стал спрашивать врача, и ему посоветовали одного старого, опытного человека. Несколькими золотыми Мустафа склонил его сообщить ему лекарство, наводящее подобный смерти сон, который можно было бы мгновенно прекратить каким-нибудь другим средством. Когда он овладел этим средством, он купил себе длинную фальшивую бороду, чёрный плащ и разных баночек и склянок, так что хорошо мог представить странствующего врача, нагрузил свои вещи на осла и опять отправился в замок Тиули-Коса. Он мог быть уверен, что на этот раз его не узнают, потому что борода так изменила его, что он едва сам себя узнавал.

Приехав к Тиули, он велел доложить о себе как о враче Хакаманкабудибабе, и случилось так, как он рассчитывал. Чудесное имя чрезвычайно отрекомендовало его старому дураку, так что он тотчас пригласил его к обеду. Хакаманкабудибаба явился к Тиули, и старик, побеседовав с ним едва час, решил подвергнуть лечению мудрого врача всех своих рабынь. Мустафа едва смог скрыть свою радость, что теперь опять увидит возлюбленную сестру, и с бьющимся сердцем последовал за Тиули, который повёл его в сераль¹⁸. Они пришли в прекрасно убранную комнату, в которой, однако, никого не было.

– Хамбаба или как тебя звать, милый врач, – сказал Тиули-Кос, – смотри-ка на то отверстие в стене! Там каждая из моих рабынь высунет руку, и ты сможешь тогда исследовать: болен или здоров пульс.

¹⁸ Сераль – часть дома, предназначенная только для женщин.

Мустафа мог возражать что угодно, – ему не дали видеть рабынь, но Тиули согласился всякий раз говорить ему, как они обыкновенно чувствовали себя прежде. Затем Тиули вынул из-за пояса длинную записку и громким голосом начал поодиночке вызывать своих рабынь, после чего из стены каждый раз высовывалась рука и врач исследовал пульс. Было прочитано уже шесть имён, и все были объявлены здоровыми. Седьмою Тиули назвал Фатьму, и из-за стены выскользнула маленькая, белая ручка. Дрожа от радости, Мустафа схватил эту руку и с значительной миной объявил её серьёзно больной. Тиули сделался очень озабоченным и велел своему мудрому Хакаманкабудибаве скорее приготовить для неё лекарство. Врач вышел и написал на маленькой записке:

«Фатьма! Я спасу тебя, если ты решишься принять лекарство, которое на два дня сделает тебя мёртвой. Я владею средством опять привести тебя к жизни. Если ты хочешь, то скажи только, что питье не помогло, и это будет для меня знаком, что ты на мой план соглашаешься».

Вскоре он вернулся в комнату, где его ожидал Тиули. Он принёс с собой безвредное питье, ещё раз пощупал у больной Фатьмы пульс и в то же время сунул ей под браслет записку, а питье подал ей через отверстие в стене. Тиули, казалось, был очень озабочен за Фатьму и осмотр остальных рабынь отложил до более удобного времени. Когда он вместе с Мустафой покинул комнату, то сказал печальным тоном:

– Хадибаба, скажи откровенно, что ты думаешь о болезни Фатьмы?

Хакаманкабудибавибаба отвечал с глубоким вздохом:

– Ах, господин, да дарует тебе Пророк утешение! У неё изнурительная лихорадка, которая может, пожалуй, отправить её на тот свет.

Тогда Тиули разразился гневом:

– Что ты говоришь, проклятая собака, а не врач? Она, за которую я дал две тысячи золотых, должна умереть, как корова? Знай, что если ты не спасёшь её, то я отрублю тебе голову!

Мой брат заметил, что сделал глупость, и опять подал Тиули надежду. Когда они ещё говорили так, из сераля пришёл чёрный раб сказать врачу, что питье не помогло.

– Употребь всё своё искусство, Хакамдабабельба, или как ты подписываешься, я заплачу тебе, что ты захочешь! – кричал Тиули-Кос, почти воя от страха потерять со смертью рабыни столько золота.

– Я дам ей настойку, которая избавит её от всякого недуга, – отвечал мнимый врач.

– Да! да! дай ей скорее настойку! – рыдал старый Тиули.

Обрадованный Мустафа принёс свой усыпляющий напиток. Отдав его чёрному рабу и показав, сколько нужно принять сразу, он пошёл к Тиули сказать, что ему надо набрать у озера ещё некоторых целебных трав, и поспешил за ворота. У озера, которое было недалеко от замка, он снял свою фальшивую одежду и бросил её в воду, так что она забавно поплыла, а сам спрятавшись в кустах, дождался там ночи и тогда пробрался в склеп при замке Тиули.

Не прошло, вероятно, и часа, как Мустафы не было в замке, когда Тиули принесли ужасное известие, что его рабыня Фатьма находится при смерти. Он послал на озеро, чтобы скорей привести врача, но его посланные вернулись одни и рассказали ему, что бедный врач упал в воду и утонул – видно, как его чёрный плащ плавает посередине озера, а по временам из воды показывается его почтенная борода. Когда Тиули не видел уж никакого спасения, он стал проклинать себя и весь свет, рвать на себе бороду и биться головой об стену. Но всё это не могло помочь, и Фатьма скоро испустила дух на руках остальных женщин. Услыхав известие о её смерти, Тиули приказал скорее сделать гроб, потому что не мог выносить в доме покойника, и велел отнести труп в склеп. Носильщики принесли туда гроб, поскорее опустили его и убежали, потому что услышали стоны и вздохи в других гробах.

Мустафа, спрятавшийся за гробами и оттуда обративший в бегство носильщиков гроба, вышел и зажёл лампу, которую с этой целью принёс с собой. Затем он вынул пузырёк, содержащий пробуждающее лекарство, и поднял крышку с гроба Фатьмы. Но какой ужас охватил его, когда при свете лампы ему показались совершенно незнакомые черты лица! В гробу лежала не сестра моя и не Зораида, а совершенно другая. Ему нужно было много времени, чтобы опомниться от нового удара судьбы. Наконец сострадание превозмогло его гнев. Он открыл свой пузырёк и влил мёртвой лекарство. Она вздохнула, открыла глаза и, казалось, долго раздумывала, где она. Наконец она вспомнила случившееся, встала из гроба и бросилась к ногам Мустафы.

– Как мне благодарить тебя, доброе существо, – воскликнула она, – за то, что ты освободил меня из моего ужасного плена!

Мустафа прервал её изъявления благодарности вопросом, как же это произошло, что спасена она, а не его сестра Фатьма. Она изумлённо посмотрела на него.

– Только теперь мне становится ясным моё спасение, которое прежде мне было непонятно, – отвечала она. – Знай, что в том замке меня звали Фатьмой и мне ты отдал и свою записку, и спасительное питье.

Мой брат потребовал у спасённой рабыни дать ему сведения о его сестре и Зораиде и узнал, что обе они находятся в замке, но, по обыкновению Тиули, получили другие имена: теперь их зовут Мирза и Нурмагаль. Когда Фатьма, спасённая рабыня, увидела, что мой брат так поражён этой ошибкой, она стала ободрять его и обещала сказать ему средство, как можно всё-таки спасти обеих девушек. Ободрённый этой мыслью, Мустафа возымел новую надежду. Он попросил Фатьму назвать ему это средство, и она сказала:

– Хотя я только пять месяцев была рабыней Тиули, однако с самого начала думала о спасении, но для меня одной оно было слишком трудно. На внутреннем дворе замка ты, веро-

ятно, заметил фонтан, который выбрасывает воду из десяти труб. Этот фонтан бросился мне в глаза, я вспомнила, что в доме своего отца я видела такой же, к которому вода притекала через обширный водопровод. Чтобы узнать, так же ли построен этот фонтан, я однажды стала расхваливать перед Тиули его великолепие и спросила, кто его строил. «Я сам построил его, – отвечал он, – и то, что ты видишь здесь, ещё пустяки: вода течёт сюда из ручья по крайней мере за тысячу шагов и проходит по сводчатому водопроводу высотой по меньшей мере в человеческий рост; и всё это я сам устроил». Услышав это, я часто стала желать только на одно мгновение иметь мужскую силу, чтобы вынуть камень из стенки фонтана, – тогда я могла бы бежать куда захотела. Я укажу тебе этот водопровод; через него ты сможешь проникнуть ночью в замок и освободить тех рабынь. Но ты должен иметь с собой по крайней мере ещё двух человек, чтобы осилить рабов, которые ночью стерегут сераль.

Так говорила Фатьма, а мой брат Мустафа, хотя уже дважды обманывался в своих надеждах, ещё раз собрался с духом и надеялся с помощью Аллаха привести в исполнение план рабни. Он обещал ей позаботиться о её дальнейшем отъезде на родину, если она поможет ему проникнуть в замок. Но его заботила ещё одна мысль: откуда достать двух или трёх верных помощников. Тогда он вспомнил кинжал Орбазана и данное им обещание поспешить к нему на помощь, когда будет нужно; поэтому он вместе с Фатьмой вышел из склепа, чтобы отыскать знаменитого разбойника.

В том самом городе, где он превратился во врача, он на последние деньги купил коня и поселил Фатьму у одной бедной женщины в предместье. Сам он поспешил к тем горам, где в первый раз встретил Орбазана, и через три дня приехал туда. Скоро он опять нашёл те палатки и неожиданно вошёл к Орбазану, который дружески приветствовал его. Мустафа рассказал ему о своих неудавшихся попытках, причём суровый Орбазан иногда не мог удержаться от смеха, особенно когда представлял себе врача Хакаманкабудибабу. Но изменой карлика он был взбешён и поклялся собственноручно повесить его, где бы ни нашёл его. А моему брату он обещал быть готовым на помощь тотчас же, как только он подкрепится после пути. Поэтому на ночь Мустафа опять остался в палатке Орбазана, а с первой утренней зарей они выехали, и Орбазан взял с собой трёх человек из своих самых храбрых людей, на хороших лошадях и хорошо вооружённых. Они поехали быстро и через два дня прибыли в тот маленький город, где Мустафа оставил спасённую Фатьму. Оттуда они вместе с ней поехали дальше к небольшому лесу, откуда на незначительном расстоянии можно было видеть замок Тиули; там они расположились, чтобы дожидаться ночи. Как только стемнело, они, по указаниям Фатьмы, стали красться к ручью, где начинался водопровод, и скоро нашли его. Здесь они оставили Фатьму и одного слугу с конями и приготовились спускаться. Но прежде чем они спустились, Фатьма ещё раз подробно повторила им, что через фонтан они придут на внутренний двор замка, там направо и налево в углу две башни, и за шестой дверью, считая от башни направо, находятся Фатьма и Зораида, охраняемые двумя черными рабами. Запасшись оружием и ломом, Мустафа, Орбазан и двое других разбойников спустились в водопровод; хотя они почти до пояса погрузились в воду, но тем не менее бодро пошли вперёд. Через полчаса они пришли к самому фонтану и тотчас же взяли за свои ломы. Стена была толстая и крепкая, но не могла долго противостоять соединённым силам четырёх человек. Скоро они пробили отверстие, достаточно большое, чтобы можно было удобно пролезть. Сперва пролез Орбазан и помог пролезть другим. Когда все они были на дворе, они стали осматривать находившуюся перед ними сторону замка, чтобы разыскать описанную дверь. Но они не были согласны, какая это дверь, потому что, считая от правой башни к левой, нашли заделанную дверь и не знали, пропускала её Фатьма или тоже считала. Но Орбазан не стал долго раздумывать.

– Мой добрый меч откроет мне всякую дверь! – воскликнул он и подошёл к шестой двери, а другие последовали за ним.

Они открыли дверь и нашли шестерых чёрных рабов, которые лежали на полу и спали. Увидев, что попали не в ту дверь, они уже хотели опять потихоньку уйти, как в углу приподнялась какая-то фигура и хорошо знакомым голосом закричала о помощи. Это был карлик из лагеря Орбазана. Но ещё прежде чем чернокожие узнали хорошенько, что с ними случилось, Орбазан бросился на карлика, разорвал свой пояс, заткнул ему рот и связал руки за спиной. Потом он обратился к рабам, из которых некоторые уже были наполовину связаны Мустафой и двумя другими, и помог совершенно одолеть их. Рабам приставили к груди кинжалы и спросили, где Нурмагаль и Мирза. Они признались, что девушки в соседней комнате. Мустафа бросился в эту комнату и встретил Фатьму и Зораиду, которых разбудил шум. Они быстро собрали свои украшения и платья и последовали за Мустафой.

Между тем оба разбойника предлагали Орбазану награбить, что найдётся, но он запретил им это и сказал:

– Про Орбазана не должны говорить, что он ночью влезает в дома красть золото!

Мустафа и спасённые девушки быстро пролезли в водопровод, а Орбазан обещал тотчас же последовать за ними.

Когда они спускались в водопровод, Орбазан и один из разбойников взяли карлика и вывели его на двор; здесь они обвязали вокруг его шеи шёлковый шнурок, взятый ими для этого с собой, и повесили его на самом высоком шпиге фонтана. Наказав так измену несчастного, они сами тоже спустились в водопровод и последовали за Мустафой. Обе девушки со слезами благодарили своего великодушного спасителя Орбазана, а он торопил их, так как было очень вероятно, что Тиули велит преследовать их по всем направлениям.

На другой день Мустафа и спасённые девушки с глубоким умилением расстались с Орбаном. Право, они никогда не забудут его! А Фатьма, освобождённая рабыня, отправилась в Бальсору, чтобы там сесть на корабль и уехать на родину.

После короткого и приятного путешествия мои родственники прибыли домой. Радость свидания чуть не убила моего старого отца. На другой день после их приезда он устроил большое торжество, в котором принимал участие весь город. Мой брат должен был рассказать свою

историю перед большим собранием родственников и друзей, и они единогласно хвалили его и благородного разбойника.

А когда мой брат кончил, отец встал и подвёл к нему Зораиду.

– Так я снимаю, – сказал он торжественным голосом, – своё проклятие с твоей головы! Возьми Зораиду как награду, которую ты завоевал себе своим неутомимым усердием; прими моё отцовское благословение, и пусть у нашего города никогда не будет недостатка в людях, подобных тебе в братской любви, уме и усердии!

* * *

Караван достиг конца пустыни, и путники радостно приветствовали зелёные лужайки и густолиственные деревья – они много дней были лишены их прелестного вида. Караван-сарай, который они выбрали себе для ночлега, лежал в прекрасной долине, и хотя в нём было мало удобств и прохлады, однако всё общество стало веселее и откровеннее чем когда-либо: ведь мысль, что они избавились от опасностей и лишений, сопряжённых с путешествием по пустыне, раскрыла все сердца и настроила душу к шуткам и веселью. Мулей, молодой, весёлый купец, стал танцевать комические танцы и при этом пел песни, которые даже у серьёзного грека Цалейкоса вызывали улыбку. Мало того, что он развеселил своих товарищей танцами и игрой, он ещё преподнёс им обещанный рассказ и, отдохнув от своих прыжков, стал рассказывать так...

Рассказ о Маленьком Муке

В Никее, моем милым родном городе, жил один человек, которого звали Маленьким Муком. Хотя тогда я был ещё очень молод, но могу представить его себе ещё вполне хорошо, особенно потому, что однажды из-за него отец высек меня до полусмерти. Маленький Мук, когда я его знал, был уже стариком, но ростом всего в три или четыре фута¹⁹, причём имел странную фигуру, потому что его тело, такое маленькое и изящное, должно было носить голову гораздо больше и толще, чем у других людей. Он жил совершенно один в большом доме и даже сам варил себе пищу, причём в городе не знали бы, жив он или умер – ведь он выходил только раз в месяц, – если бы в обеденный час из его дома не поднимался густой дым; но по вечерам часто видели, как он взад и вперёд ходит по крыше, хотя с улицы казалось, что по крыше бегает одна только его большая голова.

Я и мои товарищи были злыми мальчиками, которые охотно дразнили и насмехались над всеми; поэтому всякий раз, когда Маленький Мук выходил из дома, для нас был праздник. В определённый день мы собирались перед его домом и ждали, пока он выйдет. Когда отворялась дверь и сперва выглядывала большая голова с ещё большим тюрбаном, когда затем следовало остальное тельце, одетое в потёртый плащик, широкие шаровары и широкий пояс, на котором висел длинный кинжал, такой длинный, что не знаешь, Мук ли надет на кинжал или кинжал на Мука, когда он так выходил, то воздух оглашался нашим радостным криком. Мы бросали вверх свои шапки и как сумасшедшие плясали вокруг него. А Маленький Мук важным киванием головы кланялся нам и медленным шагом шёл вниз по улице, причём шлёпал ногами, потому что на нём были большие, широкие туфли, каких я ещё никогда не видал. Мы, мальчики, бежали за ним, и все кричали: «Маленький Мук, Маленький Мук!» У нас даже была весёлая песенка, которую мы иногда пели в честь него; в ней говорилось:

Карлик Мук, карлик Мук,
В большом доме ты живёшь,
В месяц раз на улицу идёшь!
Оглянись-ка на себя —
Ведь головка с гору у тебя!
Посмотри-ка ты вокруг
И поймай нас, карлик Мук!

Мы уже часто забавлялись так, и к своему стыду я должен сознаться, что поступал хуже всех: часто дёргал Мука за плащик и раз даже наступил ему сзади на большие туфли, так что он упал. Это показалось мне очень смешным, но мой смех прошёл, когда я увидел, что Маленький Мук подходит к дому моего отца. Он вошёл прямо в дом и некоторое время оставался там. Я спрятался у двери и видел, как Маленький Мук опять вышел в сопровождении моего отца, который почтительно держал его за руку и у двери с поклонами простился с ним. Я почувствовал себя не совсем хорошо и поэтому долго оставался в своей засаде, но наконец меня выгнал голод, которого я боялся сильнее побоев, и я смиренно и с опущенной головой предстал пред отцом.

¹⁹ Фут (*англ.* foot – ступня) – единица измерения расстояния, точное линейное значение которого, так же, как и дюйма, различается в разных странах. Обычно под футом понимают т. н. «международный», или «английский» фут, который равен 12 дюймам (30,48 см).

– Ты, как я слышу, издевался над нашим добрым Муком? – сказал он очень строгим тоном. – Я расскажу тебе историю этого Мука, и ты, наверно, не будешь больше насмехаться над ним, но прежде и после этого ты получишь обычное.

А обычным были двадцать пять ударов, которые он обыкновенно отсчитывал слишком точно. Поэтому он взял свою длинную трубку, отвинтил янтарный мундштук и отделал меня сильнее чем когда-либо раньше.

Когда двадцать пять ударов были получены сполна, он велел мне внимательно слушать и стал рассказывать о Маленьком Муке.

Отец Маленького Мука, которого зовут, собственно, Мукра, был здесь, в Никее, уважаемым, но бедным человеком. Он жил почти так же уединённо, как теперь живёт его сын; последнего он, конечно, не мог терпеть, стыдясь его фигуры карлика, и поэтому предоставил ему расти в невежестве. Маленький Мук даже шестнадцати лет был ещё весёлым ребёнком, и отец, человек серьёзный, всегда порицал его за то, что он ещё так глуп и наивен, когда ему уже давно следовало бы выйти из детских лет.

Однажды старик неудачно упал, расшибся и умер, оставив Маленького Мука бедным и неучёным. Жестокие родственники, которым умерший был должен больше, чем мог заплатить, выгнали бедного малютку из дома и посоветовали ему идти по свету и искать своё счастье. Маленький Мук отвечал, что он уже готов в путь, но просил себе только отцовскую одежду, которую ему и отдали. Его отец был высоким, сильным человеком, и поэтому его платье не годилось сыну. Однако Мук скоро нашёлся: он обрезал то, что было слишком длинно, и потом надел. Но он, по-видимому, забыл, что должен обрезать и в ширину, и вот почему на нём та странная одежда, которую можно видеть ещё и теперь: большой тюрбан, широкий пояс, широкие шаровары, синий плащик – всё это наследство его отца, которое он носит с тех пор. Он заткнул за пояс длинный дамасский кинжал своего отца, взял палочку и вышел за ворота.

Мук весело бродил целый день, потому что ведь он отправился искать своё счастье. Если он видел на земле осколок стекла, блестящий на солнечном свете, то, наверно, прятал его в карман, думая, что он превратится в прекраснейший алмаз; если видел вдали купол мечети, сиявший как в огне, если видел озеро, блестящее как зеркало, то с радостью спешил к ним, думая, что пришёл в волшебную страну. Но увы! Вблизи эти призраки исчезали, а его усталость и его бурчащий от голода желудок слишком скоро напомнили ему, что он находится ещё в стране смертных. Так он проходил два дня, голодный и печальный, и отчаялся найти своё счастье; полевые плоды были его единственной пищей, жёсткая земля – его ночлегом.

Утром на третий, день он увидел с возвышенности большой город. Полумесяц ярко сиял на его зубцах, пёстрые флаги развевались на крышах и, казалось, манили к себе Маленького Мука. Поражённый, он остановился и стал рассматривать город и местность. «Да, там малютка Мук найдёт своё счастье, – сказал он сам себе и, несмотря на свою усталость, подпрыгнул. – Там или нигде!» Он собрал все свои силы и пошёл к городу. Но хотя город казался совсем близко, однако Мук смог достигнуть его только в полдень, потому что его маленькие ноги почти совсем отказывались служить ему, и он часто должен был садиться в тень пальмы, чтобы отдохнуть.

Наконец он подошёл к воротам города. Он оправил свой плащик, красивее повязал тюрбан, надел пояс ещё шире и заткнул длинный кинжал более криво. Потом он стер с башмаков пыль, взял свою палочку и бодро вошёл в ворота.

Он прошёл уже несколько улиц, но нигде не отворилась дверь, нигде не кричали, как он воображал: «Маленький Мук, войди, поешь и попей и дай отдохнуть своим ножкам!»

Когда он у одного большого прекрасного дома опять очень тоскливо смотрел вверх, отворилось окно, выглянула старая женщина и стала звать певучим голосом:

Сюда, сюда!
Кашка сварена,

Стол уж накрыт,
Был бы у вас аппетит!
Соседушки, сюда,
Кашка сварена!

Дверь отворилась, и Мук увидел, что в дом вошло множество собак и кошек. Несколько минут он стоял в нерешительности, последовать ли ему приглашению, но наконец собрался с духом и пошёл в дом. Перед ним шли несколько молодых кошечек, и он решил следовать за ними, потому что они, может быть, знали кухню лучше его.

Когда Мук поднялся по лестнице, он встретил ту старую женщину, которая выглядывала в окно. Она сердито посмотрела на него и спросила, что ему нужно.

– Ведь ты всех приглашала к своей каше, – отвечал Маленький Мук, – а я очень голоден и поэтому тоже пришёл.

Старуха громко засмеялась и сказала:

– Откуда же ты пришёл, чудак? Весь город знает, что я варю кашу только для своих милых кошек, и иногда, как ты видишь, приглашаю в их общество соседей.

Маленький Мук рассказал старой женщине, как тяжело ему пришлось после смерти отца, и стал просить её дать ему сегодня поесть вместе с её кошками. Старуха, которой понравился чистосердечный рассказ малютки, позволила ему быть её гостем и вдоволь дала ему поесть и попить. Когда он насытился и подкрепился, она долго глядела на него и затем сказала:

– Маленький Мук, оставайся у меня на службе! У тебя будет пустяшная работа и очень хорошее содержание.

Мук, которому понравилась кошачья каша, согласился и таким образом стал слугой госпожи Ахавци. У него была лёгкая, но странная служба. У госпожи Ахавци были два кота и четыре кошки; Маленький Мук должен был каждое утро чесать им шерсть и натирать их драгоценными мазями. Если хозяйка уходила, он должен был присматривать за ними; когда они ели, он подавал им блюда, а ночью укладывал их на шёлковые подушки и укутывал бархатными одеялами. В доме были ещё несколько маленьких собак; им он тоже должен был прислуживать, но с ними было не так много хлопот, как с кошками, с которыми госпожа Ахавци обращалась, как с собственными детьми. Впрочем, Мук вёл такую же одинокую жизнь, как в доме своего отца, потому что, кроме госпожи, он целый день видел только собак и кошек. Некоторое время Маленькому Муку жилось вполне хорошо: у него всегда была еда и мало работы, а старая госпожа, по-видимому, была очень довольна им. Но мало-помалу кошки стали шаловливыми: когда старуха уходила, они как бешеные начинали прыгать по комнатам, разбрасывали все вещи и разбивали много прекрасной посуды, которая попадалась им. А услышав, что хозяйка идёт по лестнице, они залезали на свои подушки и как ни в чём не бывало виляли хвостами. Видя свои комнаты опустошёнными, госпожа Ахавци сердилась и всё сваливала на Мука. Он мог как угодно уверять её в своей невинности, – она верила своим кошкам, которые так невинно смотрели, больше, чем своему слуге.

Маленький Мук был очень огорчён, что и здесь не нашёл своего счастья, и про себя решил оставить службу у госпожи Ахавци. Но так как при первом своём путешествии он испытал, как плохо жить без денег, то решил каким-нибудь образом получить плату, которую его повелительница всегда обещала ему, но никогда не давала. В доме госпожи Ахавци находилась комната, которая всегда была заперта и внутренность которой Мук никогда не видал. Но он слышал, что хозяйка часто возится в ней, и очень охотно узнал бы, что она там спрятала. Когда он стал думать о деньгах для путешествия, ему пришло в голову, что там, может быть, спрятаны сокровища хозяйки. Но дверь всегда была крепко заперта, и поэтому он никогда не мог пробраться к сокровищам.

Однажды утром, когда госпожа Ахавци ушла, одна из собачек, с которой хозяйка обращалась всегда очень грубо, но у которой Мук разными дружескими услугами приобрёл большое расположение, стала дёргать его за широкие шаровары и при этом вела себя так, как если бы Мук должен был следовать за ней. Мук, который охотно играл с собаками, пошёл за ней, и что же! – собачка привела его в спальню госпожи Ахавци к маленькой двери, которой он прежде никогда там не замечал; дверь была полуоткрыта. Собачка вошла, а Мук последовал за ней, и как радостно он был поражён, увидев, что находится в той комнате, которая уже

давно была целью его желаний. Он стал везде осматривать, нельзя ли найти денег, но ничего не находил. Кругом были только старые платья и причудливой формы сосуды. Один из этих сосудов привлёк к себе его особенное внимание. Он был из хрусталя и на нём были вырезаны прекрасные фигуры. Мук поднял его и стал поворачивать во все стороны. О ужас! Он не заметил, что у сосуда была неплотно прилежавшая к нему крышка. Крышка упала и разбилась на тысячу кусков.

Маленький Мук долго стоял помертвевшим от ужаса. Теперь его судьба была решена, теперь он должен был убежать, а то старуха убьёт его. Путешествие Мука было тотчас же решено, и он только ещё раз осмотрелся, нельзя ли воспользоваться для него чем-нибудь из пожитков госпожи Ахавци. Ему попала на глаза пара ужасно больших туфель. Они, правда, были некрасивы, но его собственные уже не могли выдержать пути. Эти туфли привлекали его также своей величиной; ведь если они будут у него на ногах, то, наверно, все люди увидят, что он вышел из детских лет. Итак, он быстро снял свои туфельки и въехал в большие туфли. Тросточка, с прекрасно вырезанной львиной головой, тоже, как ему показалось, стояла в углу совсем напрасно; поэтому он взял её с собой и поспешил из комнаты. Затем он пошёл в свою комнату, надел плащик, повязал отцовский тюрбан, сунул кинжал за пояс и быстро, как только его несли ноги, побежал из дома и из города. За городом он, из страха перед старухой, бежал всё дальше, пока от усталости почти уж не мог бежать. Во всю свою жизнь он не ходил так быстро; ему даже казалось, что он совсем не может остановиться: какая-то невидимая сила увлекала его. Наконец он заметил, что, должно быть, в туфлях есть что-то особенное, потому что они стремились всё дальше и тащили его с собой. Он всячески пробовал остановиться, но это не удавалось. Выбившись из сил, он закричал сам себе, как кричат лошадям: «Тпру, тпру!» Туфли остановились, и Мук в изнеможении бросился на землю. Туфли необыкновенно обрадовали его. Таким образом он хоть что-нибудь приобрёл своей службой, что во всяком случае могло помочь ему в его путешествии за счастьем. Несмотря на свою радость, он от изнеможения заснул, потому что его тельце, которому приходилось носить такую тяжёлую голову, не могло много выдержать. Во сне ему явилась собачка, которая в доме госпожи Ахавци доставила ему туфли, и сказала:

«Милый Мук, ты ещё не вполне знаешь употребление туфель; знай, что если ты в них трижды повернёшься на каблуке, то можешь лететь, куда только захочешь; а палочкой ты можешь находить сокровища: где зарыто золото, там она трижды ударит по земле, а где серебро – дважды».

Так снилось Маленькому Муку. Проснувшись, он стал размышлять о чудесном сне и решил сейчас же сделать пробу. Он надел туфли, приподнял ногу и начал повёртываться на каблуке. Но кто когда-нибудь пробовал три раза подряд сделать этот фокус в невероятно широких туфлях, тот не удивится, что это Маленькому Муку не сразу удалось, особенно если вспомнить, что тяжёлая голова перевешивала его то на ту, то на другую сторону.

Несколько раз бедный малютка здорово падал на нос; однако он не боялся повторять свою попытку и наконец она удалась. Он как колесо завертелся на каблуке, захотел лететь в ближайший большой город, и – туфли поднялись в воздух и с быстротой ветра полетели через облака! Ещё прежде чем Маленький Мук смог опомниться, как это с ним произошло, он уже находился на большой площади, где было построено много лавок и бесчисленное множество людей суетливо бегали взад и вперёд. Он стал прохаживаться в толпе, но скоро счёл более благоразумным отправиться на пустынную улицу, потому что на площади то ему кто-нибудь наступал на туфли и он почти падал, то он своим торчавшим сбоку длинным кинжалом толкал того или другого и едва избегал побоев.

Теперь Маленький Мук стал серьёзно раздумывать, что он может предпринять, чтобы заработать себе немного денег. У него, правда, была палочка, которая указывала ему зарытые сокровища, но где ему сейчас найти место с зарытым золотом или серебром? Пожалуй, в

крайности он мог бы показывать себя за деньги, но для этого он был всё-таки слишком горд. Наконец ему пришла в голову быстрота его ног. «Мои туфли, – подумал он, – пожалуй, могут доставить мне пропитание». Он решил наняться скороходом. А так как он мог надеяться, что за такую службу правитель этого города заплатит всего лучше, то он разузнал, где находится дворец. У ворот дворца стояла стража, которая спросила его, что он здесь ищет. На его ответ, что он ищет службу, его отослали к надсмотрщику рабов. Мук изложил ему своё желание и попросил его доставить ему службу в королевских гонцах.

Надсмотрщик смерил его глазами с головы до ног и сказал:

– Как, с твоими ножками, которые едва ли длиннее пяди, ты хочешь сделаться королевским скороходом? Пошёл прочь, я здесь не затем, чтобы забавляться со всяким дураком!

Но Маленький Мук стал уверять его, что вполне серьёзно говорит о своём предложении и хотел бы состязаться с самым быстрым гонцом. Это надсмотрщику показалось очень смешным. Он велел Муку приготовиться к вечеру для состязания в беге, отвёл его на кухню и позаботился, чтобы Муку дали как следует поесть и попить. А сам он отправился к королю и рассказал ему о Маленьком Муке и его предложении. Король был весёлым человеком, и поэтому ему понравилось, что надсмотрщик рабов для забавы удержал Маленького Мука. Он приказал на большом лугу, за дворцом, сделать приготовления, чтобы всему двору с удобством можно было видеть состязание в беге, и ещё раз поручил надсмотрщику иметь о карлике большое попечение. Король рассказал своим принцам и принцессам, какое зрелище они будут иметь в этот вечер. Те пересказали это своим слугам, и когда настал вечер, все были в напряжённом ожидании, и все, у кого были ноги, высыпали на луг, где были устроены подмости, чтобы видеть бег хвастливого карлика.

Когда король и его сыновья и дочери заняли места на подмостках, на луг вышел Маленький Мук и сделал высоким господам чрезвычайно грациозный поклон. Когда они увидели малютку, раздался всеобщий радостный крик: такой фигуры там ещё никогда не видали. Тельце с огромной головой, плащик и широкие шаровары, длинный кинжал за широким поясом, маленькие ножки в широких туфлях – нет, видеть это было слишком забавно, чтобы громко не посмеяться! Но смех не смутил Маленького Мука. Он гордо стоял, опираясь на палочку, и ожидал своего соперника. Надсмотрщик рабов, по собственному желанию Мука,

выбрал самого лучшего бегуна. Вот он вышел, стал рядом с карликом, и оба ожидали знака. Тогда принцесса Амарца махнула, как было условлено, своим покрывалом, и как две стрелы, пущенные в одну цель, оба бегуна понеслись по лугу.

Сначала соперник Мука значительно опередил его, но Мук на своих туфлях-скороходах погнался за ним, догнал его, обогнал и давно стоял у цели, когда тот ещё бежал тяжело дыша. Удивление и изумление на несколько минут сковали зрителей; но когда король первый захлопал в ладоши, толпа заликовала, и все воскликнули:

– Да здравствует Маленький Мук, победитель на состязании в беге!

Между тем Маленького Мука привели; он бросился перед королём ниц и сказал:

– Могущественнейший король, здесь я дал тебе только небольшой образчик своего искусства; соблаговоли же позволить, чтобы мне дали место среди твоих гонцов!

А король отвечал ему:

– Нет, ты будешь моим личным гонцом и всегда при моей особе, любезный Мук! Ты будешь ежегодно получать сто золотых жалованья и есть за столом моих первых слуг.

Итак, Мук уж думал, что наконец он нашёл счастье, которое так долго искал, и был от души рад и доволен. Он пользовался даже особой милостью короля, который употреблял его для своих самых спешных и самых тайных посланий. Мук исполнял их с величайшей точностью и совершенно непостижимой быстротой.

Но остальные слуги короля были совсем не расположены к Муку. Они с неудовольствием видели, что благодаря карлику, который ничего не умел, как только быстро бегать, они теряли милость своего государя. Поэтому они устраивали против Мука много заговоров, чтобы сверг-

нуть его, но все заговоры разбивались о большое доверие, которое король питал к своему тайному обер-лейб-гонцу (в короткое время Мук достиг и этого достоинства).

Карлик, от которого не ускользали эти козни против него, не думал о мести, – для этого у него было слишком доброе сердце, – нет, он думал о средстве сделаться необходимым для своих врагов и любимым ими. Тогда ему пришла в голову его палочка, о которой в своём счастье он совсем забыл. Если он найдёт сокровища, думал Мук, то люди сделаются благосклоннее к нему. Он уже часто слышал, что отец теперешнего короля зарыл в землю много своих сокровищ, когда на его страну напал враг. Говорили также, что он умер, не сообщив сыну своей тайны. С этих пор Мук всегда брал с собой палочку, в надежде пройти когда-нибудь мимо того места, где зарыты деньги старого короля.

Однажды вечером случай привёл его в отдалённую часть дворцового сада, которую он мало посещал. Вдруг он почувствовал, что палочка в его руке вздрогнула и три раза ударила о землю. Теперь он уже знал, что это могло значить. Поэтому он вынул кинжал, сделал знаки на стоявших кругом деревьях и прокрался опять во дворец. Там он достал заступ и для своего предприятия стал дожидаться ночи.

Впрочем, само откапывание сокровищ доставило маленькому Муку больше хлопот, чем он думал. Его руки были слишком слабы, а заступ – велик и тяжёл. Он проработал, вероятно, уже два часа, прежде чем вырыл на глубину нескольких футов. Наконец он наткнулся на что-то твёрдое, что зазвенело, как железо. Теперь он стал копать усерднее, и скоро увидел большую железную крышку. Он сам спустился в яму, чтобы посмотреть, что могла покрывать крышка, и действительно нашёл большой горшок, наполненный золотыми монетами. Но его слабых сил не хватало, чтобы поднять горшок; поэтому он набрал золота в шаровары и пояс, сколько мог унести, и даже свой плащик наполнил им, тщательно опять закрыл остальное и всё взвалил на спину. Но, право, если бы на ногах у него не было туфель, он не сошёл бы с места, – так давила его тяжесть золота. Всё-таки он незамеченным пришёл в свою комнату и там спрятал золото под подушками своего дивана.

Когда Маленький Мук увидел себя обладателем такого количества золота, он подумал, что теперь дело примет иной оборот, и что среди своих врагов при дворе он приобретёт себе много доброжелателей и искренних приверженцев. Уже по этому можно было узнать, что добрый Мук не получил, должно быть, очень тщательного воспитания, иначе он, конечно, не мог бы вообразить, что золотом приобретёт истинных друзей. Ах, пусть бы он тогда наострил свои туфли и убежал с полным золотом плащиком!

Золото, которое с этих пор Маленький Мук стал раздавать горстями, возбудило зависть остальных придворных слуг. Главный повар Аули говорил: «Он фальшивомонетчик». Надсмотрщик рабов Ахмед говорил: «Он выманил это у короля своей болтовнёй». А казначей Архац, его злейший враг, который сам порой запускал руку в кассу короля, прямо сказал: «Он украл золото». И вот, чтобы действовать наверняка, они сговорились, и однажды главный кравчий Корхуц явился к королю с грустным видом. Его печальное выражение лица было так заметно, что король спросил, что с ним.

– Ах! – отвечал он. – Я огорчён тем, что потерял милость своего государя!

– Что за вздор ты говоришь, друг Корхуц? – возразил ему король. – С каких это пор я не освещаю тебя солнцем своей милости?

Главный кравчий отвечал ему, что ведь тайного обер-лейб-гонца он осыпает золотом, а своим бедным, верным слугам ничего не даёт.

Очень изумлённый этим известием, король велел рассказать о раздаче золота Маленьким Муком, и заговорщики легко внушили ему подозрение, что Мук каким-нибудь образом украл деньги из сокровищницы. Этот оборот дела был очень приятен казначею, который и без того неохотно давал отчёт. Поэтому король отдал приказ тайно следить за всяким шагом Маленького Мука, чтобы поймать его, если возможно, на месте. И вот, когда ночью, следовавшей за

этим несчастным днём, Маленький Мук, увидевший, что его касса благодаря его щедрости очень истощена, взял заступ и стал красться в дворцовый сад, чтобы там достать из своего тайного клада новый запас, за ним издали последовала стража под предводительством главного повара Аули и казначея Архаца.

В ту минуту, когда он хотел класть золото из горшка в свой плащик, они бросились на него, связали и тотчас повели к королю. Последний, которого и без того рассердил перерыв его сна, принял своего бедного тайного обер-лейб-гонца очень немилостиво и тотчас учинил над ним допрос. Горшок совершенно вырыли из земли и вместе с заступом и полным золота плащиком положили к ногам короля. Казначей заявил, что он со своей стражей застал Мука врасплох, когда он только что зарыл в землю этот горшок с золотом.

Затем король стал допрашивать обвиняемого: правда ли это и откуда он получил золото, которое зарывал.

Маленький Мук, чувствуя свою невиновность, показал, что он нашёл этот горшок в саду и что он хотел не зарыть, а вырыть его.

Все присутствовавшие громко засмеялись над этим оправданием, а король, крайне разгневанный мнимой наглостью карлика, воскликнул:

– Как, несчастный! Ты хочешь так глупо и подло обмануть своего короля, обокрав его? Казначей Архац! Я приглашаю тебя сказать, признаешь ли ты эту сумму за ту самую, которой недостаёт в моей казне?

Казначей отвечал, что он вполне уверен, что именно столько недостаёт с некоторых пор в королевской казне и что он мог бы поклясться, что это золото украдено.

Тогда король приказал заковать Маленького Мука в тесные оковы и отвести его в башню, а казначею передал золото, чтобы отнести его опять в сокровищницу. Довольный счастливым исходом дела, казначей ушёл и дома стал считать блестящие золотые монеты. Но этот злой человек никому не сказал, что внизу в горшке лежала записка, в которой было сказано:

«Враг наводнил мою страну, и поэтому я скрываю здесь часть своих сокровищ. Кто бы ни нашёл это, да поразит того проклятие его короля, если он тотчас же не передаст это моему сыну! Король Сади».

В тюрьме Маленький Мук предался печальным размышлениям. Он знал, что за кражу королевских вещей определена смерть, и всё-таки не хотел открыть королю тайну своей палочки, не без основания боясь лишиться её и своих туфель. К сожалению, его туфли не могли уже оказать ему никакой помощи, потому что, прикованный к стене в тесных цепях, он не мог, как ни мучился, повернуться на каблуке. Но когда на другой день ему объявили о смерти, тогда он подумал, что лучше жить без волшебной палочки, чем умереть с нею, попросил у короля тайной аудиенции и открыл ему свою тайну. Сперва король совсем не поверил его признанию, но Маленький Мук обещал сделать опыт, если король согласится не умерщвлять его. Король дал ему в этом своё слово, велел тайно от него зарыть в землю немного золота и приказал Муку искать его своей палочкой. Мук в несколько минут нашёл его, потому что палочка ясно три раза ударила о землю. Тогда король заметил, что казначей обманул его, и послал ему, как это в обычае на Востоке, шёлковый шнурок, чтобы он сам удавился. А Маленькому Муку он сказал:

– Я, правда, обещал тебе жизнь, но мне кажется, что ты владеешь не только одной этой тайной палочки. Поэтому ты останешься в вечном заключении, если не сознаешься, что за причина твоего быстрого бега.

Маленький Мук, у которого одна только ночь в башне отняла всякую охоту к дальнейшему заключению, признался, что всё его искусство заключается в туфлях, но не сообщил королю тайны о трехкратном повороте на каблуке. Чтобы сделать опыт, король сам вступил в туфли и как безумный понёсся по саду. Он часто хотел остановиться, но не знал, как задержать туфли, и Маленький Мук, который не мог отказать себе в этой небольшой мести, заставил его бегать, пока он не упал без чувств.

Когда король опять пришёл в сознание, он был страшно разгневан на Маленького Мука, заставившего его бегать до бесчувствия.

– Я дал своё слово даровать тебе свободу и жизнь, но ты должен в течение двенадцати часов покинуть мою страну, иначе я велю повесить тебя!

А туфли и палочку он велел положить в свою сокровищницу.

Таким же бедным, как всегда, Маленький Мук вышел из страны, проклиная свою глупость, из-за которой он вообразил, что может играть при дворе значительную роль. К счастью, страна, откуда он был изгнан, была невелика; поэтому уже через восемь часов он был на границе, хотя идти для него было очень тяжело, так как он привык к своим милым туфлям.

Когда он очутился за границей, он оставил обычную дорогу, чтобы отыскать самую дремучую глушь лесов и жить там одиноко, потому что он возненавидел всех людей. В дремучем лесу он напал на место, которое показалось ему вполне подходящим для принятого им решения. Светлый ручей, окружённый большими тенистыми смоковницами, и мягкая трава манили его к себе. Там он бросился на землю с решением не принимать больше пищи, а ожидать здесь смерти. Среди печальных размышлений о смерти он заснул; но когда он опять проснулся и его стал мучить голод, он подумал, что голодная смерть – опасная вещь, и оглянулся, нельзя ли где достать чего-нибудь поесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.